БОРИС БАТЫРШИН

ТОЧКА БИФУРКАЦИИ

книга восьмая

Борис Борисович Батыршин
Точка бифуркации
Серия «Коптский крест», книга 8

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68949360
Точка бифуркации. Фантастический роман / Борис Батыршин: Горизонт; Москва; 2023

Аннотация

Восьмая, заключительная книга из цикла “Коптский крест”.

В ней находят своё завершение сюжетные линии, начатые в предыдущих книгах.

Агенты Департамента Особых Проектов обшаривают Европу в поисках скрытых секретов. Русские военные дирижабли плывут в небе Балтики, Спитхэдский рейд, главную стоянку Королевского Флота прочерчивают пенные следы торпед, британские броненосцы эскадры адмирала Хорнби бесславно гибнут на минных заграждениях, выставленных кораблями “особой минной дивизии”. А тем временем в подземных казематах Шлиссельбургской крепости учёные с помощью пока ещё мало кому известного американского готовят дерзкий эксперимент – прорыв сквозь «червоточины» в мир таинственных “четырёхпалых”. И когда у них получится – привычный мир с его уютным европейским миропорядком уже никогда не станет прежним.

И во всём этом будут участвовать герои, с которыми читатели уже успели близко познакомиться…

Содержание

Часть первая 6
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Борис Батыршин
Точка бифуркации

“Коптский крест”, восьмая книга

© Борис Батыршин, 2023

Часть первая

I.

– Совершенно ничего не узнаю, – пожаловался я, – Вот ничегошеньки! Рейхстаг, и тот какой-то неправильный!

– А ты чего хотел, – отец фыркнул. Сто двадцать лет прошло, да и здание только строится!

Мы с отцом были в Берлине всего за несколько месяцев до того, как начались наши межвременные и межпро-

странственные приключения. Мне исполнилось тогда пятнадцать, и возникла идея отпраздновать этот «юбилей» в столице ФРГ – у отца тогда внезапно образовалась редакционная командировка, и грех было не воспользоваться подвернувшимся случаем. Дело, помнится, было, как и сейчас, в сентябре; погоды в Берлине стояли почти что летние, на календаре значился воскресный день, и огромная зелёная лужайка, носящая название «Площадь Республики» была заполнена кучками студентов и отдыхающих. Повсюду мелькали группы темнокожих мигрантов – турок, арабов, негров, афганцев – и законопослушные берлинцы косились на них с подозрением и опаской. Я представил себе этих темнокожих бедолаг здесь, на выскобленной до неестественной чистоты брусчатке Кёнигсплац, под носом строгих, как армейские фельдфебели, полицейских – и мне стало весело. Дорого я дал бы, чтобы посмотреть, как эти, прости господи, страдающие и угнетённые попытались бы справить нужду на газонах и палисадниках столицы Второго Рейха…

Отец воспринял мою фразу как предложение вернуться к роли туристического гида – занятию, которому он предавался с момента нашего приезда в Берлин.

– Так что совершенно ничего удивительного, Странно было бы, если бы ты тут чего-нибудь узнал. Вон там, – он показал на одетое в строительные леса здание, в контурах которого угадывался силуэт одного из будущих символов Берлина, – раньше стоял дворец какого-то польского графа, состо-

явшего в королевстве Пруссия на дипломатической службе. А в семьдесят третьем на площади воздвигли Колонну Победы, в честь трёх победоносных кампаний Пруссии – датской в 1864-м, австрийской, двумя годами позже и, наконец, франко-прусской войны. Позже, зданием Рейхстаг достроили – на месте во-вон того фонтана в виде восьмиконечной звезды, возвели национальный памятник Бисмарку, а уже при Гитлере и статую и колонну переместили в парк Тиргартен, где они и пребывают по сей день.

Я едва сдержался, чтобы не заявить: незачем цитировать «Википедию», я и сам всё прекрасно знаю, недаром всю дорогу в купе поезда Петербург-Варшава-Берлин изучал «Путеводитель по Берлину и его окрестностям», приобретённый в одной из петербургских книжных лавок. Эта книжечка с золотым тиснением на терракотово-красном переплёте была издана здесь, в столице Германии, о чём извещала её владельца надпись на титульном листе: *«Изданіе книжнаго магазина Штура (Владѣлецъ Генрихъ Каспари)*. Здесь же имелась «фирменная» картинка, изображающая птицу марабу, сидящую, свесив голенастые ноги, на стопке книг с этикеткой, украшенной инициалами владельца – «НК». Книжка действительно приводила подробные описания, снабжённые недурными фотографиями, из которых я и почерпнул все эти полезные сведения.

Фонтан действительно имелся – там, где ему и полагалось, в середине большого овального газона, разделённого попо-

лам дорожкой из брусчатки. Близость строительства сказывалась на этой недавно ещё безупречной детали городского пейзажа: трава носила следы башмаков рабочих и тележных колёс, аккуратные кустики, окружающие газон, были безнадёжно попорчены, повсюду громоздились штабеля кирпича, досок и прочих стройматериалов. Я усмехнулся: в родимом Отечестве всё это добро наверняка навалили бы грудами а здесь – всё ровно, чинно и аккуратно. Вон, даже голуби копошатся в травке, будто и не стройка под боком…

Я выудил из сумки половинку булки, оставшейся от завтрака, раскрошил и стал бросать голубям. Раздалось многоголосое курлыканье и десятка два «крылатых крыс», ка называл этих птиц отец, немедленно слетелись на подачку.

Он, увидав, чем я занимаюсь вместо того, чтобы внимать его лекции, поморщился, но промолчал. Я подошёл к голубям поближе – они нисколько меня не боялись – и продолжил благотворительную акцию, и тут за спиной раздалось грозное «Битте!»

Я обернулся. Шагах в десяти, на брусчатке, с которой я только что имел неосторожность сойти, стоял господин в сине-сером мундире с двумя рядами блестящих латунных пуговиц. Голову его украшал чёрный с начищенным до блеска одноглавым имперским орлом пикельхауб, на боку висела сабля и блестящих металлических ножнах. Глаза из-под сурово сведённых бровей сверлили меня с неодобрением.

Ну как тут не рассмеяться? Предупреждал же Джером К.

Джером в своей повести «Трое на велосипедах», которую я вместе с путеводителем проглотил в поезде (на планшете, поскольку издана эта занимательная книжица будет только чрез десять с небольшим лет): у немецкого полицейского всегда найдётся пункт инструкции, согласно которому можно оштрафовать беззаботного туриста!

– Добрый день, герр… э-э-э… вахтмайстер, так, – Я покосился на погоны на плечах блюстителя порядка, изо всех сил удерживаясь от неподобающей улыбки, – Я что-то нарушил?..

– Вот на кой тебе понадобилось пререкаться с этим быком, – ворчал отец, – Развлёкся на сорок марок, а ведь могли и задержать на трое суток!

«Быками» в столице империи Гогенцоллернов называли полицейских – за твердокаменную неуступчивость и столь же твердокаменное отсутствие чувства юмора.

– Кто ж знал, что у них тут запрещено кормить голубей, – я сделал вялую попытку отбрехаться, – Вон, весь газон истоптан, я и подумал…

– А кого это волнует? Видел же табличку с запрещающей надписью?

– Видел, но…

– Никаких «но»! Мы в Берлине, и здесь подобные нюансы во внимание не принимаются. Написано «нельзя» – значит нельзя! И, кстати, никаких гастарбайтеров здесь нет – если не считать за таковых рабочих из какой-нибудь Баварии,

приехавших в Берлин за длинным рублём… то есть маркой.

Я кивнул, соглашаясь. Действительно, насколько мы успели заметить, в столице Второго Рейха строили повсюду.

– Яша-то когда прибудет со своим подопечным?

Отец вытащил из жилетного кармана золотой брегет и музыкально звякнул крышкой. В своё время, когда мы только делали первые шаги в прошлом, он (с моей помощью, разумеется) наладил в Москве, через часовую лавочку на Варварке, скромный бизнес по торговле дешёвыми наручными механическими часами, доставляемыми из двадцать первого века. Лавочки той давно нет, её место заняла принадлежащая нашему общему другу Яше Гершензону «Розыскная контора», да и баловство с часами мы прекратили, занявшись куда более серьёзными вещами. Наручные часы, тем не менее, вошли в моду, их, вместе с металлическими браслетами, выпускали две московские фабрички на основе швейцарских механизмов – но отец предпочитал карманные часы на цепочке, составлявшие вместе с элегантной тростью и другими аксессуарами образ состоятельного путешественника. О том, что в трости скрывался приобретённый в Сирии дамасский клинок, а в кармане брюк прятался карманный автоматический пистолет, очередная новинка Тульского оружейного завода, он предпочитал не распространяться.

Такой же ствол, носящий название «ТАП-М» (Тульский Автоматический Пистолет, Малый) имелся и у меня. Европейские законы, касающиеся перевозки и ношения огнестре-

ла на удивление лояльны – покупай что хочешь, вези, куда тебе нужно, через любые границы – разве что, ходить с выставленным напоказ револьвером, на манер ковбоев Дикого Запада не рекомендуется.

– Их поезд через два часа, – ответил отец, мелодично тренькнув крышкой брегета, – Прибудет на вокзал Анхальтер Банхофф, это на Асканишер-плац, в Кройцберге. Время ещё есть, успеем пообедать.

– Интересно, а «Грубый Готлиб» уже работает, – осведомился я, – В тот раз ты отказался меня туда вести, потому как пиво было не по возрасту, так хоть теперь увижу – что это за любимая пивнушка штандартенфюрера Штирлица?

– Не увидишь. Во-первых, ресторан «Grobben Gottlieb» не в Берлине, а в Халле, это в Баден-Вюртемберге. А во-вторых, откроется он только через семь лет.

– Обман, сплошной обман, – посетовал я, – Ладно, как-нибудь обойдусь без германского сельского колорита. Но пообедать всё же нужно. Вон, на углу, ресторанчик – как он, «Томаскеллере»? Может, туда?..

– Только не вздумай налегать на пиво, – отец покосился на меня, – Вот как знал, что дурному научат в этом вашем Морском Корпусе! У нас впереди важные переговоры, не хватало ещё…

– И в мыслях не было. Вот уговорим Яшиного подопечного – тогда можно будет и отметить.

– Лоботряс! Не будь мы в самом центре Берлина – точно,

не посмотрел бы, что ты теперь мичман флота Российского, влепил бы хорошую затрещину!

До вокзала Анхальтер Банхофф мы доехали на трамвае – самом настоящем, электрическом. Вагончики его более всего походили на привычную конку с империалом, открытой площадкой второго этажа, куда снизу, с передней и задней площадок вагончика, вела пара спиральных лесенок. Там мы по моему настоянию и расположились – в Берлине предстояло провести всего сутки, обратные билеты лежали у отца в портмоне, а город посмотреть всё-таки хотелось.

Этот вид транспорта, уже начавший своё победное шествие по европейским столицам, появился впервые здесь же, в столице – десять лет назад, в 1879-м году инженер-изобретатель Вернер фон Сименс представил на Берлинской выставке. Первая «электричка» произвела настоящий фурор: состав из трёх вагончиков, каждый из которых вмещал полторы дюжины пассажиров, развивал скорость семь вёрст в час. Через год первая трамвайная линия появилась на окраине Берлина – вагоны его, двигавшиеся со скоростью тридцать вёрст в час, получали электропитание по рельсам, и за первые три месяца перевезли более двенадцати тысяч пассажиров. С тех пор в германской столице было проложено несколько трамвайных линий, и строительство продолжалось неослабевающими темпами.

Вагончик уютно тарахтел на стыках рельсов и то и дело громко звоня – звук этот мало отличался от звона, которые

будут издавать московские трамваи лет этак, через сто сорок. Лошади, запряжённые в многочисленные экипажи, на этот шум никак не реагировали – видимо, успели привыкнуть, в отличие от могучих гнедых коней вестфальских драгун, полуэскадрон которых попавшихся нам на одном из перекрёстков. Вестфальцы, опытные кавалеристы, едва-едва удержали испуганных скакунов – те порывались метнуться в сторону, ржали, становились на дыбы, вмиг смешав стройные ряды. Прохожие и седоки многочисленных экипажей никак на это происшествие не реагировали – разве что старались жаться к стенам домов, подальше от взбунтовавшихся драгунских саврасок. Я усмехнулся – случись такое на улицах Первопрестольной, и ядовитые, не всегда цензурные комментарии сыпались бы со всех сторон, заглушаемые пронзительным свистом уличных мальчишек да заполошными трелями городовых, спешащий к месту потенциального ДТП. Вот что значит орднунг…

– В Питере-то когда трамвай пустят, – спросил я, – Да и в Москве тоже не помешало бы – всё же две столицы Империи, нехорошо…

– Планируют, – вздохнул отец, – В нашей истории первый трамвай в Москве появился в 1899-м, а в Петербурге даже позже, в 1903-м. В общем-то, сам трамвай не проблема, тот же Сименс готов продавать вагоны и даже строить в России фабрику, где будут ставить его электромоторы на вагончики конки. Вопрос в электропитании – в обеих столицах плохо с

электростанциями. Корф рассчитывает, что фирма Вестингауза, с которой наш друг Яша вёл переговоры в Америке, поможет эту картину изменить.

– Я слышал, им пообещали большие вложения из секретного фонда ДО.П.?

– Да, и освобождение построенных в России предприятий от налогов на десять лет, – кивнул отец, – У них там назревает «Война токов», и Джорджу Вестингаузу предстоит побороться за свой подход в создании электросетей с самим Томасом Эдисоном. Так что и вложения в «Вестингауз электрик энд мануфанчуринг компани», которые посулил Корф, и удачный пример внедрения сетей переменного тока очень даже ему пригодится.

Я припомнил то немногое, что знал на эту тему – в-основном, из школьных уроков по физике.

– Но ведь Вестингауз и сам сумел одержать победу, без помощи со стороны?

– Да, но он-то об этом не знает, – ухмыльнулся отец, – А трамвай у нас давно пора запускать. Ты знаешь, что первый образец испытали в санкт ещё в 1880-м году? Сейчас его создатель, инженер Пироцкий работает в одной из лабораторий Д.О.П.а.

– Да, я в курсе, дядя Юля рассказывал, – кивнул я. Департамент Особых Проектов, любимое детище барона Корфа собирал под своё крыло таланты со всей России. Вербовщики Д.О.П. а активно действовали и за границей, в Европе

и Северной Америке. Их задачу сильно облегчали списки, составленные на основе информации из будущего. Эмиссары барона точно знали, кого конкретно имеет смысл приглашать, чем соблазнять, какие перспективы разворачивать перед тем или иным учёным, инженером, изобретателем, и на каких струнах – научном азарте, уязвлённом самолюбии – надо играть, чтобы убедить очередного кандидата оставить Старый или Новый Свет и перебраться в Россию. Нечто подобное предстояло проделать сегодня нам с отцом, и ради этого мы прикатили в Берлин из самого Петербурга.

II

– Смотрите внимательно, – дядя Юля не отрывал взгляда от бусины, зажатой в крошечном зажиме на штативе. Время от времени он косился на хронометр, по циферблату которого нарезала круги секундная стрелка, – Четыре… три… два… сейчас!

Тонкий зелёный луч вырвался из шершавого шарика, словно из объектива лазерного прицела и упёрся в стену. Мы все, присутствующие при демонстрации, заранее знали, чего ожидать – и, тем не менее, по комнате пронёсся дружный вздох.

– Эффектно, ничего не скажешь, – Корф наклонился к бусинке, подставил ладонь под луч – ярко-зелёная точка возникла на его коже, грубой, шершавой от поводьев и рукоятей

многочисленных сабель, шпаг и палашей, с которыми он регулярно, три раза в неделю, упражнялся в своём персональном спортзале, оборудованном прямо в здании Департамента. Доцент Евсеин встал у барона за спиной, и, вытянув шею, наблюдал за его действиями, – И давно вы… э-э-э… ввели туда этот луч?

Дядя Юля ещё раз глянул на циферблат.

– Ровно два часа назад, в точности, как делал Виктор. Герр Бурхардт, спасибо ему, подробно всё объяснил…

– Верно, герр Лерх, этот несчастный молодой человек именно так всё и описал, – подтвердил немец, и я отметил что за эти два с небольшим месяца он неплохо овладел русским языком, – По его словам, луч вошёл в бусину и исчез – не отразился, не рассеялся, даже не подсветил её поверхность красным, как это только что произошло с рукой герра барона, а именно исчез. Луч словно канул в бусине, не оказав на неё никакого воздействия – Виктор упомянул, что она даже не нагрелась, хотя он облучал её несколько секунд.[1]

– Да, это необычно, – согласился Корф, – Кожу ваша зелёная точка греет довольно-таки чувствительно. Уверен, если подержать руку в полной неподвижности секунд десять – можно и ожог заработать.

– К тому же, я, как и Виктор, воспользовался красным лазером, – добавил дядя Юля, – а луч, как вы видите, зелёный. То есть, попав в бусину, эта порция когерентного из-

---

[1] То подробно описано в седьмой книге цикла, «Загадка тетрадигитуса».

лучения пространствовала в её глубинах ни много ни мало, целых два часа, что при скорости света в триста тысяч километров в секунду составляет два миллиарда сто шестьдесят миллионов километров – несколько меньше расстояния между орбитами Земли и Урана. К тому же, луч претерпел так называемое «синее смещение», то есть уменьшение наблюдаемой длины световой волны. Согласно общепринятой теории, смещение это может носить допплеровский, релятивистский или гравитационный характер. Но, как вы, я уверен, понимаете, господа, говорить об общепринятых теориях в нашем случае бессмысленно…

Я отвернулся, пряча ухмылку. Надо было видеть, как вытянулись физиономии Корфа и Бурхардта при этом «как вы, я уверен, понимаете…» Эти двое – люди по меркам любого времени высокообразованные, но дядя Юля ничтоже сумняшеся обрушил на них град терминов, даже для поверхностного понимания которых требуется совсем другой взгляд на физическую картину Вселенной. Евсеин же, успевший побывать в том самом будущем, из которого явились эти термины, даже бровью не повёл – как и Яша, так же присутствовавший при эксперименте. Видимо, объём «опережающей» информации прочитанной, просмотренной или усвоенной какими-то иными способами, произвели в его восприятии окружающей действительности качественные перемены.

– Итак, мы можем констатировать, что так называемые

«бусины» тетрадигитусов на самом деле никакие не бусины, то есть не предметы, состоящие, или изготовленные, сейчас это не так важно, из некоего твёрдого материала, – продолжал дядя Юля, не замечая, в какое уныние повергают слушателей его объяснения, – И если не приписывать им какие-то сверхъестественные, магические свойства, то можно предположить, что мы имеем дело с областями иного пространства, обладающего другими физическими законами и свернувшегося под воздействием нашего пространства. Очевидно, что эти «брызги свёрнутого пространства-времени» напрямую связаны с образованием порталов-червоточин. Мало того: используя свойства брызг-бусин можно так комбинировать внепространственные поля, что получается при определённых условиях, разумеется, даже и управлять «червоточинами»! Тот способ, которым наши юные друзья сумели в своё время закрыть порталы – очевидное тому подтверждение. И, следовательно…

«Юные друзья» – это мы с Николкой Овчинниковым. Дядя Юля намекает на авантюрную эскападу, в результате которой мы запечатали портал-червоточину в московском подземелье буквально под носом у вооружённых террористов, рвущихся из нашего времени в девятнадцатый век, чтобы присоединиться к кровавому хаосу, учинённому их подельниками на улицах старой Москвы.[2]

---

[2] Эти события подробно описаны в третьей книге цикла, «Мартовские колокола».

– Вы уж простите, что я вас перебиваю, господин Лерх, – похоже, барону надоело деликатничать, и он решил взять ситуацию в свои руки, – Уверен, герр Бурхардт достаточно учён, чтобы правильно воспринимать подобные объяснения, но я, признаться, не понял ни черта. Познание законов природы дело, конечно, полезное, но вынужден напомнить, что первейшая наша цель – вызволить мадемуазель Русакову из беды, в которую она угодила по вине негодяю ван Стрейкера. И, боюсь, без этих вот бусин не обойтись. А потому, не будете ли вы любезны, уважаемый Юлий Алексеевич, объяснить, что вы собираетесь предпринять сугубо практически? Только, если можно, попонятнее…

Ответ у дяди Юли был заготовлен заранее.

– Видите ли, господин барон, уже несколько месяцев мы с Вильгельмом Евграфычем – он кивнул на Евсеина, – гадаем, как бы подступиться к изучению «червоточин». До сих пор мы могли только собирать и как-то упорядочивать разрозненные факты – а тут благодаря бедняге Виктору мы вдруг получили в руки мощнейший исследовательский инструмент!

– Вы имеете в виду лазер, – вкрадчиво осведомился Корф. Я достаточно хорошо знал барона, чтобы понять, что он пребывает сейчас в крайнем раздражении, но пока сдерживается. Видимо, сознавал это и Евсеин, – и подавал и-за спины Корфа какие-то знаки своему коллеге. Но дядя Юля слишком увлёкся, чтобы внять этим предостережениям.

– Именно! Именно лазер, – торопливо закивал он, – Поскольку «бусины», точнее области свёрнутого пространства с иными физическими законами как-то воздействуют на проходящий через них пучок когерентного света, то по характеру и уровню этого воздействия можно сделать вывод об их свойствах. Что это может дать – я пока не знаю, но это, во всяком случае, огромное поле для исследований. Можно было бы использовать источники излучения, и не только лазерного – с разными характеристиками, разной мощности… Да что там, можно исследовать разные бусины – а вдруг они имеют различные свойства и, значит, есть содержат свёрнутые участки разных в плане действующих там физических законов пространств? И, пожалуй, самое главное: анализируя полученные данные, можно подбирать подходящий математический аппарат, а не заниматься коллекционированием не связанных друг с другом необъяснимых фактов. Это уже нормальный, правильный научный подход, а вы спрашиваете – что мы собираемся предпринять на практике! Да тут непаханое поле!..

Договорить дядя Юля не успел. Корф, побагровев лицом, грохнул кулаком по столешнице с такой силой, что стакан с чаем в массивном серебряном подстаканнике подскочил на полдюйма и с дребезгом приземлился на прежнее своё место, расплескав по дороге треть содержимого.

– Кажется, я ясно дал понять, что желал бы получить объяснение простым человеческим языком, не прибегая к заум-

ной тарабарщине. Итак, *уважаемый господин Лерх* (эти три слова барон произнёс с отчётливо иронической интонацией) не будете ли вы столь любезны ответить: что из всего этого – бусин, лучей и прочей бижутерии – следует для нас на практике?

Если барон собирался огорошить дядю Юлю, то он крупно ошибся. Знакомые недаром сравнивали старика с Александром Васильевичем Суворовым. Невысокий, сухонький, с таким же венчиком седых волос вокруг лысины и пружинистой походкой, заставляющей забыть о прожитых семидесяти трёх годах, он был язвителен, не лез в карман за острым словцом, и мог (при желании, разумеется) стать для окружающих столь же невыносимым, как и сам граф Рмыникский. Так что в ответ Корф получил ядовитую отповедь, суть которой сводилась к тому, что если бы глубокоуважаемый начальник Д.О.П. а хоть изредка давал себе труд пролистать пересылаемые ему отчёты, то оный начальник не выглядел бы сейчас как студент, заваливший экзамен. Он мог бы в этом случае поддерживать разговор на предложенном ему, вышеупомянутому начальнику, ключе – каковой, безусловно, необходим, если речь идёт о столь важных вещах, как межпространственные порталы-«червоточины». Но, может быть, несмотря на эти соображения, означенный начальник Департамента намерен и дальше пользоваться в разговоре исключительно терминами, почерпнутыми из наставлений по верховой езде и кавалерийских уставов? Что ж, он, Юлий

Алексеевич Лерх, готов поддержать беседу и на таком возмутительно низком уровне, но пусть тогда вышеотмеченный начальник не сетует, если чего-то не поймёт, или, что ничуть не лучше, поймёт неправильно. Но и в этом случае не всё потеряно – стоит лишь прислушаться к его, Юлия Алексеевича Лерха предложениям и предпринять необходимые для их реализации шаги. Он и сам бы их сделал – но, увы, потребные для этого средства и навыки находятся далеко за пределами его возможностей, как и возможностей присутствующего здесь Вильгельма Евграфовича Евсеина, который полностью в курсе дела и, несомненно, поддерживает всё вышесказанное…

Вы бы видели физиономию доцента, когда дядя Юля закончил свою тираду! Мне и самому на миг стало не по себе – барон при желании мог размазать старика по стенке, не прибегая к мерам административного давления. Десятилетия, проведённые в великосветских салонах, на дипломатических раутах и в казармах гвардейской тяжёлой кавалерии научили его язвить и играть словами ничуть не хуже собеседника, однако выручил житейский опыт и умение управляться с самыми разными людьми. Сообразив, что от склоки с учёным никто не выиграет, а проиграют, наоборот, оба и, прежде всего, дело, ради которого они здесь собрались, барон резко сбавил тон и выслушал предложения дяди Юли до конца. А выслушав – перевёл разговор в плоскость обсуждения действий сугубо практических, где он во всех смыслах

был на коне.

Эта занимательная беседа состоялась за два с половиной месяца до того, как мы с отцом навестили Берлин. Дело было через неделю после демонстрационных полётов дирижабля «Россия-1», которые Костович и Георгий устроили в Кронштадте на потеху венценосной родне цесаревича – а заодно, населению Кронштадта и Санкт-Петербурга, не пожелавшему, конечно, пропустить такое зрелище. Протесты Никонова и его непосредственного начальника, контр-адмирала Дубасова, услышаны не были. Напрасно оба с пеной у рта доказывали, что совершенно не обязательно демонстрировать последние достижения российской военно-технической мысли военно-морским атташе и прочим дипломатам, репортёрам и тайным агентам европейских стран, которые, разумеется, пожелают присутствовать на мероприятии. Решающим оказался аргумент, приведённый самим Георгием: «Как же так? Французам мы воздушные корабли показали – а своим, русским, нет? Неужто питерская публика меньше это заслужила, чем какие-то марсельцы?» В итоге, демонстрационные полёты состоялись, вызвав бурю газетных публикаций по всей Европе и приведя в состояние глубокой задумчивости адмиралтейства всех морских держав. Кроме того, демонстрация породила целый поджанр «фелетонов» (так здесь называют романы с продолжением, которые публикуются из номера в номер в еженедельных иллюстрированных журналах), который я определил бы как «военная фантасти-

ка ближнего прицела». Уже через неделю в «Ниве» напечатали первую главу романа «Рыцари неба», которая и произвела настоящий фурор – в особенности, среди гимназистов, студентов и воспитанников кадетских училищ. А в следующем номере вместе со второй главой романа, в разделе «Нам пишут» появилась подборка читательских писем, авторы которых спрашивали: а верно ли, что в скором времени в Гатчине откроется по образцу Морского Воздухоплавательный Императорский Корпус? Я представил, какие бурные эмоции этот роман вызвал в нашей альма матер – как-никак, цесаревич, которому прочили пост командующего Воздушными Силами Российской Империи недавно выпустился именно из Морского Корпуса. Воленька Игнациус, с которым я как-то заговорил о литературной новинке, признался, что автор «Рыцарей неба» он сам. Я, понятное дело, удивился, а потом подумал – а что тут такого? Вот так и рождаются будущие звёзды жанра «научная фантастика» – и хорошо, и пусть пишет побольше, особенно в ожидании того, что вскорости нам предстоит. Если, конечно, дядя Юля и доцент Евсеин сумеют-таки разобраться в секретах «червоточин», чёрных «бусин», дырчатой пластины-«тентуры», почти точной копии «галактического атласа» из фильма «Кин-дза-дза – и, кончено, самой хрустальной статуи тетрадигитуса…

Но я отвлёкся. Итак, все заинтересованные собрались в исследовательском центре Д.О.П. а, одним из самых засекреченных подразделений которого руководит с некоторых пор

дядя Юля. Они с Евсеиным неделями не вылезали из лаборатории; время от времени к ним присоединялся и Бурхардт – когда требовалось расшифровать какое-нибудь особо заковыристое место в «металлических книгах». Барон Корф в их дела не вмешивался, даже не требовал отчётов, справедливо полагая, что когда учёным будет что сказать, они сами проявят инициативу. Так оно и вышло – и в середине примерно сентября, когда учёные решили продемонстрировать свои достижения широкой публике. Состоящей в данном случае из автора этих строк, Олега Ивановича Семёнова, моего батюшки, начальника Департамента Особых Проектов барона Евгения Петровича Корфа, Яши Гершензона, восходящей звезды российского политического сыска и политической же разведки. Присутствовали так же поручик Роман Смольский и гардемарин Владимир Игнациус. Воленька (так называли его в Корпусе) и Роман были приглашены, как потенциальные члены спасательной партии, которой предстояло отправиться в мир таинственных тетрадигитусов – за всё во время совещания (продолжавшегося, на секундочку, больше трёх часов) оба благоразумно не сказали ни слова. Я последовал их примеру – и в результате узнал, что дяде Юле для реализации его идей нужны, во-первых немалые энергетические мощности, а во-вторых, необходимо привлечь к работе одного известного изобретателя. Имя его многим из присутствующих хорошо известно, остальным же пока стоит просто поверить на слово.

На вопрос отца – «а как вы, господин Лерх представляете это себе на практике?» – старик с готовностью ответил, что представляет, и очень хорошо. Более того, он уже предпринял для реализации задуманного кое-какие действия – благо почта и трансатлантическое телеграфное сообщение функционируют здесь на удивление неплохо. Что касается первого пункта, то есть создание энергетических мощностей, то для этого имеет смысл привлечь к сотрудничеству одну известную фирму из САСШ. Предварительная договоренность уже достигнута, и следует как можно скорее послать туда для переговоров человека, наделённого соответствующими полномочиями. Что же до второго пункта – дядя Юля уже вступил в переписку с упомянутым изобретателем и даже сумел его заинтересовать. Это было тем более легко сделать, что «кандидат» успел нажить в Северной Америке немало врагов, в том числе и испортил отношения с руководством одной из крупнейших электрических компаний.

В настоящий момент, сообщил дядя Юля, этот господин в Париже, на Всемирной выставке, и пробудет в Европе ещё по крайней мере три месяца. Конечно, лучше всего было бы встретиться с ним самому учёному, но в данный момент он не имеет возможности оставить свою работу – а значит, доверить переговоры придётся кому-нибудь другому. Крайне желательно было бы выбрать для этого человека, который полностью в курсе наших проблем и не понаслышке знает о том, как они, собственно, образовались – сказал он, мило улы-

баясь отцу. Например, вы и этот молодой человек, ваш сын – чем, скажете, плохо? Языками вы оба владеете, ситуацию знаете «от и «до» – кому ж ещё поручить столь ответственное дело?

Конечно, отец не стал отказываться. Согласился и я, тем более, что в Петербурге делать было совершенно нечего – разве что, торчать дни напролёт в лаборатории у дядя Юля, пытаясь понять птичий язык, на которым он переговаривался с доцентом Евсеиным. Или пропадать на стрельбище, осваивать под чутким Ромкиным руководством новинки Тульского Императорского оружейного завода. Что ж, по крайней мере, это время не было потрачено зря – сейчас один из образцов, изрядно напоминающий бельгийский карманный “Браунинг" образца 1906-го года оттягивал мой задний карман.

Как там у классика?

«– Вы с оружием, Лестрейд?

– Ну, раз на мне брюки, значит и задний карман на них есть, а раз задний карман есть – значит, он не пустой.»[3]

Хорошо всё же, когда есть нечто, придающее уверенности почти в любой ситуации…

---

[3] А.Конан-Дойль «Собака Баскервилей»

III

– Надо было взять с собой твоего друга Никола, – сказал отец, когда мы подходили к гостинице, в которой была назначена встреча, – Его мать, кажется, из Сербии?

– Так и есть, – я кивнул, – И даже состоит в дальнем родстве с Обреновичами, это сербская правящая династия. Мать Николки приходится племянницей основателю династии князю Милошу, а значит сам он – сколько-то там юродный брат коронованной особы. Между прочим, они даже встречались – во время нашего плавания на «Корейце и «Разбойнике». Мы тогда сопровождали царскую яхту «Держава» на рейде бухты Киогэ. Там нас ожидала яхта «Даннеборг» под брейд-вымпелом короля Дании Христиана, а сербский король Милан Первый Обренович, был тогда у него в гостях, на борту. Ну и наш Государь попросил Никола сопровождать его во время встречи с этими двумя монархами – по каким-то своим политическим соображениям.[4]

Рандеву с Яшей и его спутником было назначено в отеле «Кайзерхоф» – на Вильгельмплац, напротив здания рейхсканцелярии. Насколько мне было известно, Яша, живя в Париже, довольствовался дешёвым пансионом для делового человека, небогатых студентов, однако для эмиссара россий-

---

[4] Эти события описаны в четвёртой книге цикла, «Дорога за горизонт»

ской промышленной компании (такова была его нынешняя личина, – требовался совсем другой уровень роскоши. Например, вот этот первый в Берлине отель класса «люкс», в котором году канцлер Бисмарк председательствовал на созванном им в 1878-м году Берлинском конгрессе.

– Я слышал, самодержец не слишком-то жалует Милана, – спросил отец. Я пожал плечами.

– А за что его жаловать? Тот ещё урод, его половина собственных подданных ненавидит. Ненавидели, вернее – он ещё в Январе отрёкся от престола в пользу своего сына Александра. Но наш гость, как я понимаю, в Сербии никогда не был?

– Да, он хоть и серб, но уроженец мест, входящих в состав Австро-Венгерской империи, – подтвердил отец, – Учился в Гратце, это в австрийской Штирии, закончил там высшее техническое училище. Работал инженером-электриком в Будапеште, в тамошней телеграфной компании, а семь лет назад перебрался в Париж, и там устроился в Континентальную компанию Эдисона. Но не сработался – всего через год уволился со скандалом из-за невыплаченной премии.

– Так он из-за этого перешёл в компанию Вестингауза?

– Не совсем. В Америке он снова устроился в головную компанию Томаса Эдисона и проработал у них больше года, снискав себе некоторую известность. Но и там прижиться не смог – Эдисон, видишь ли, посулил ему премию в полсотни тысяч баксов за усовершенствование электрических машин

постоянного тока. Наш гость справился с заданием блестяще, представив две дюжины проектов и изобретений. Но когда зашёл разговор об обещанной премии, история повторилась: Эдисон платить отказался, заявив что «новый сотрудник – иммигрант с диких Балкан и плохо понимает американский юмор». Сербы народ гордый и обидчивый, так что наш новый друг просто хлопнул дверью, на этот раз – окончательно…

Мы шли по направлению к Вильгельмплац, не особенно торопясь. До встречи оставалось ещё полчаса, и я с любопытством озирался по сторонам, стараясь запечатлеть в памяти картины очередной (кажется, уже четвёртой?) европейской столицы, куда занесла меня нелёгкая – и, в особенности, пёстрые образы её жителей. Вот евреи-хасиды в черных шляпах, с бородами и пейсами сбились в кучку возле крыльца – к гадалке не ходи, в здании располагается синагога. Вот катится, грохоча железными шинами по брусчатке, карета с германским принцем крови в сопровождении эскорта чёрных прусских гусар в лохматых меховых шапках, украшенных витыми серебряными шнурами. Остальные экипажи предупредительно уступают ей дорогу, а полицейские в касках-пикельхаубах берут под козырёк, вытягиваясь во фрунт. А вот шумная компания молодых людей вывалилась на тротуар из дверей пивной – все в смешных шапочках, на боку – короткие рапиры. Всё ясно – гуляет какая-нибудь студенческая корпорация…

– А с Вестингаузом он тоже поссорился, – спросил я.

– Нет, – отец помотал головой, – После разрыва с Эдисоном он основал в Нью-Йорке собственную лабораторию и занялся вопросами электрического освещения, разработав очень удачный проект дуговой лампы. Но и здесь вышло не слава богу: не сумел договориться с инвесторами, пытавшимися всучить за приобретённые патенты не деньги, а акции своей компании, послал их подальше. В ответ те принялись его травить, и дело едва не дошло до суда. Что до Джорджа Вестингауза, то он выкупил у нашего нового друга четыре десятка патентов и зазывал консультантом на свой завод, но безуспешно…

Дверь, высокая, с зеркальными стёклами в вычурных бронзовых переплётах, распахнулась. Швейцар, к которому обратился отец, подозвал рассыльного – «вас ожидают, герр Семёнофф, благоволите пройти, вас проводят…» – и мы направились к расположенному на первом этаже ресторану.

– Ты с ним полегче, – шепнул отец, когда Яша поднялся навстречу нам из-за стола, – Никола Тесла – человек непростой, характер у него мягко говоря, вздорный. Ляпнешь что-нибудь ваше военно-морское – и только мы его и видели! А дядя Юля заявил, чтобы мы не вздумали без него возвращаться в Петербург, да и барон не одобрит провала миссии. Очень уж он им, понимаешь, занадобился…

Опасения отца были не напрасны. Как Яша (а до него дядя

Юля в переписке) не обрабатывали Теслу, он не оставил своих сомнений, и на встречу с нами согласился больше из вежливости. Берлин был ему по пути – из Парижа изобретатель собирался отправиться в Вену, а дальше на Балканы, домой, навестить мать и сестру, проживавших в Хорватии, в городке Госпич. Берлин был ему по пути, и он поддался Яшиным уговорам «встретиться с очень интересными господами».

Предупреждение насчёт вздорности характера изобретателя так же не были взяты с потолка. Разговор Тесла начал с того, что вспомнил об изобретателе угольной дуговой лампы Яблочкове, вынужденном перебраться во Францию, поскольку на родине он не видел возможности усовершенствовать и уж тем более, массово внедрить своё изобретение. На это отец ответил – да, этот прискорбный факт действительно имел место, но с 1875-го года, когда Павел Николаевич в силу финансовых обстоятельств вынужден был перебраться в Париж и продолжить работу там, много воды утекло. В России, объяснял он сербскому изобретателю, произошли большие перемены. Развитием науки и инженерного дела занимается теперь отдельная организация, именуемая «Департамент Особых Проектов» – в её распоряжении практически неограниченные средства и столь же неограниченная поддержка властей. Тот же Яблочков практически дал согласие на переезд в Россию – хотя здоровье его вконец подорвано опытами с ядовитыми химическими соединениями, и работать с прежней отдачей он уже вряд ли сможет. Зато Д.О.П.

добавил отец, выкупил все его заграничные патенты, и сейчас ведётся большая работа именно в области развития электрических сетей. А поскольку господин Тесла как раз и является признанным специалистом в этой области – то ему и карты в руки. И, кстати – возможно, господину изобретателю будет любопытно узнать, что Чарльз Бечлор, уговоривший его в своё время оставить идею перебраться в Россию и уехать за океан, руководствовался не только интересами господина Теслы. Бывший ассистент и близкий друг Эдисона, Бечлор, кроме своей службы в Континентальной Электрической компании, работал на правительство САСШ, и подобную деятельность можно смело назвать промышленным шпионажем. Ах, господину изобретателю незнаком этот термин? Возможно, возможно, он совсем недавно вошёл в употребление – как раз для описания действий господ, подобных Бечлору. Правда и то, что компания Эдисона, к сотрудничеству с которой Бечлор склонил господина изобретателя, повела себя не слишком порядочно – как, впрочем, и другие его заокеанские партнёры. Так стоит ли ещё раз полагаться на американцев, уже успевших доказать, что готовы на что угодно ради лишних нескольких долларов прибыли?

И так далее, и тому подобное. Разговор продолжался больше трёх часов – мы успели пообедать, поднялись в Яшин номер, и продолжили беседу там. Мне было совершенно ясно, что Тесла не собирается принимать наше предложение, и не откланялся до сих пор лишь потому, что рассчитывает

раскрутить бестолковых русских толстосумов на какие ни то вложения в свою Нью-Йоркскую лабораторию. Отец же не хотел замечать очевидного – а может, просто не готов был сдаться и возвращаться в Питер несолоно хлебавши? И когда они пошли уже на третий круг дискуссии, я, ни слова не говоря, достал из сумки планшет, запустил ролик из «Звёздных войн» и, не обращая внимания на ошарашенные взгляды отца и на Яшин каблук, безжалостно давивший под столом мою ногу, положил гаджет перед Теслой.

Сутки спустя мы с Яшей провожали серба на вокзале Лертер Банхофф, откуда отходил экспресс Берлин-Варшава-Петербург. Изобретатель бы настолько потрясён узнанным, что не задумываясь отложил поездку к родственникам. Он, конечно, был весьма высокого мнения о своих научных талантах, но узнать, что гости из будущего, занятые в далёкой снежной России перекраиванием всей современной науки сочли именно его достойным принять участие в этом невиданном предприятии – да, такое кого угодно не оставило бы равнодушным! А когда я намекнул, что мы рассчитываем использовать мощнейшие электроразряды для путешествий во времени – Тесла окончательно потерял голову и, кажется, считал часы, оставшиеся до того сладостного мгновения, когда он сможет собственными руками прикоснуться ко всем этим чудесам…

– Насчёт того, что его работы пригодятся дяде Юле в исследовании «червоточин» – это вы серьёзно?

– Серьёзнее некуда, – отозвался я, – Для чего, ты думаешь, мы с отцом сорвались сюда через пол-Европы – шутки шутить?

Недоумение Яши было мне понятно. Сам он отправился в САСШ сразу после памятного совещания у дяди Юли – для переговоров об участии «Вестингауз электрик энд мануфакчуринг компани» в программе электрификации России. Опыт американцев в создании электросетей и организации соответствующих производств был крайне ценен, да и соответствующие инженерно-технические кадры вот так, с ходу не подготовишь. Переговоры, как я уже знал, закончились успешно – уже через месяц Джордж Вестингауз должен был посетить Россию для обсуждения технических деталей и сроков запуска проекта. О планах же дяди Юли привлечь к сотрудничеству ещё и Николу Теслу Яша имел лишь самое общее представление, справедливо полагая, что он сам вести такие переговоры не готов. Собственно, сколько-нибудь внятных предварительных договоренностей с сербским изобретателем дядя Юля достичь не сумел – аргументы, которые могли бы его убедить, требовали личной встречи. Так что Яша, закончив дела в Америке, направился в Марсель, откуда доехал до Парижа – и там убедил Теслу встретиться с русскими эмиссарами. На этом его полномочия – как и степень осведомлённости – себя исчерпали.

Поскольку мы с отцом покинули Петербург гораздо позже, я имел возможность расспросить дядю Юлю касательно его планов. Если вкратце, то дело обстояло примерно так: в том единственном эксперименте, который Виктор успел произвести на глазах Бурхардта, лазерный луч подсвечивал чашу в руке статуи тетрадигитуса, преломлялся в ней – вернее, даже не преломлялся, а делился на тысячи тончайших световых иголочек, которые в свою очередь попадали на отверстия в планшете-«тентуре», где и формировалось удивительной чёткости голограмма. Примерно так действовал отец, когда в недрах африканского холма-могильника впервые вдохнул жизнь в статую «тетрадигитуса» – и те же самые действия Виктор повторил в роковой для себя день, когда он сумел-таки открыть портал… неизвестно куда. Виктор тогда погиб, а его убийца, авантюрист ван Стрейкер сумел бежать в портал, прихватив с собой заложницу Вареньку и расстреляв напоследок «тентуру», чтобы не позволить нам последовать за ним…[5]

Казалось бы, чего проще – повторить условия эксперимента, отправив вслед за беглецом и его жертвой группу хорошо вооружённых спасателей? Статуя и чаша-линза у нас имелись, второй экземпляр «тентуры», тот, что отец привёз из Африки – тоже. Ан нет – сколько не бились дядя Юля с Евсеиным, им так и не удалось воспроизвести роковой портал. Голограммы, которые мы с лёгкой руки отца прозыва-

[5] Эти события описаны в седьмой книге цикла, «Загадка тетрадигитуса»

ли «звёздным атласом» – сколько угодно, но только не фиолетовую блямбу, через которую можно перемещаться между мирами.

Кое-какие указания они сумели получить из «металлических книг» – скажем, подтверждение догадки дяди Юли, что луч лазера не просто подсвечивает, но «накачивает» чашевидную линзу энергией, позволяя ей породить пучок световых игл. Выяснились и кое-какие любопытные подробности насчёт бусин-«брызг». Оказалось, они были рассеяны по всем мирам, которые посещали тетрадигитусы за невообразимо долгое время существования их цивилизации. Из «металлических книг» следовало, что брызги можно при некотором старании найти в любом мире, не исключая и нашего – всё дело в их концентрации. В изначальном, «материнском» мире тетрадигитусов эта концентрация была необычайно высока, так что «брызги» сыграли роль некоего «протоматериала» – подобно тому, как медь и железо в нашем мире играли (и до сих пор играют) роль базового материала человеческой цивилизации. Но если металлы открыли человечеству путь к овладению, материальным миром – то «брызги» в свою очередь, дали тетрадигитусам ключ к овладению миром чистой энергии. Подобно меди и железу, они стали сырьём, материалом для создания своего рода инструментов – сначала примитивных, аналогов топора и кирки, потом всё более и более сложных. Где-то на уровне наших первых паровых двигателей лежит устройство для открытия

«червоточин».

Овладение возможностями, предоставляемыми «брызгами» означало для цивилизации тетрадигитусов создание своей математики и математической логики, не имеющей ничего общего с этими дисциплинами у нас. Подобно тому, как люди пустились на кораблях, сшитых железными гвоздями, в океаны – они с помощью примитивных поначалу комбинаций «брызг» осваивали параллельные миры…

Всё это было, конечно, невероятно увлекательно – но нас сейчас интересовали больше практические аспекты, и после очередной неудачи дядя Юля предположил, что дело, скорее всего, в источнике света. Отец в своё время воспользовался мощным светодиодным фонариком; Виктор подсвечивал чашу лучом лазерного пистолетного прицела. Возможно, предположил старый учёный, Виктор тогда получил результат чисто случайно, вытянул единственный шанс на миллион – а чтобы получать уверенные результат, источнику элементарно не хватает мощности. Сказано-сделано: исследователи попробовали и самый мощный прожектор, и самый сильный лазер, которые только имелись в их распоряжении. Это не помогло – устройства, доставленные из двадцать первого века, были ограничены по мощности, о местных технологиях говорить вообще не приходилось… за исключением того, чем, по слухам, занимался сербский изобретатель в своей лаборатории в Нью-Йорке. Вот дядя Юля и задумал воспользоваться для этой цели рукотворными молниями Николы Те-

слы. Вдобавок ко всему прочему, старик всерьёз воспринимал слухи о неких чуть ли не мистических результатах, которых сумел добиться серб. Лучи смерти, передача энергии на расстоянии, предпосылки таинственного Филадельфийского эксперимента – выглядит, как бред, но разве вся эта история с порталами и статуями не является с точки зрения традиционной науки полнейшим бредом?

Короче, дяде Юле понадобился Тесла с его поразительным умением (если, конечно, слухи и легенды об этом человеке содержат хоть малую толику истины) обращаться с миллионовольтными электрическими разрядами. И не просто обращаться – чувствовать в них нечто, ускользнувшее от внимания всех без исключения исследователей более поздних времён, с их компьютерами, лазерами и сложнейшим научным оборудованием. Старик сумел заразить своей уверенностью и Евсеина, и Бурхардта, и даже скептически настроенного обычно Корфа – и дело закрутилось. Сейчас Никола Тесла в сопровождении моего отца катился в вагоне первого класса по направлению к Санкт-Петербургу. Я же по просьбе Яши задержался – нам двоим предстояло ещё одно, довольно-таки авантюрное предприятие.

IV

– Как ты знаешь, разумеется, англичане свою экспедицию на Балтику предпочли отложить, – сказал Яша, – Войну-то

России они объявили, и даже выдвинули эскадру к Датским проливам, а вот дальше дело не заладилось…

– Да, для начала адмирал Хорнби упустил Дубасова, – кивнул я, – Мы обогнули Британские острова с севера и подошли к Скагерраку, следуя вдоль норвежского побережья. На траверзе маяка Линдеснес – это крайне южная точка континентальной Норвегии – корабли легли в дрейф и «Змей Горыныч» выпустил оба дирижабля. Мы знали, что датские проливы стерегут британские крейсера; ещё одного боя наш потрёпанный отряд не выдержал бы – корвет «Рында» погиб, у «Мономаха» был разворочен борт и подбита одна из четырёх восьмидюймовок, а «Адмирал Корнилов» в результате своего героического тарана получил подводную пробоину и в результате не мог развить полный ход – вода мигом выбила бы временные деревянные переборки. Так что единственная надежда была на разведку и скрытность – уже через три часа «Таврида» обнаружила английский винтовой корвет, идущий десятиузловым ходом на зюйд-вест. Момент был подходящий: Дубасов повернул вдоль побережья к осту – конечно, ради этого пришлось забраться в шведские территориальные воды, но у нас тогда были заботы поважнее, нежели соблюдение чьего-то там нейтралитета. «Блимпы» висели в воздухе, меняясь каждые три часа – один патрулировал мористее идущего на полных оборотах отряда, второй в это время пополнял запас топлива. К вечеру мы миновали траверз Скагена, уклонились ещё от одного британского крей-

сера – по-моему, это был наш старый знакомец, «Комюс» – и за ночь прошли Каттегат. Утро корабли встретили на рейде Копенгагена, пополнили запасы воды и провианта, передали рапорт нашему послу для отправки в Петербург и двинулись дальше. Англичане маячили на горизонте, но нарушить датский нейтралитет не решились – мы же были в своём праве, поскольку задержались в Копенгагене меньше, чем на сутки.

– Да, в Англии после этого был грандиозный скандал, – подтвердил Яша, – Все газеты пестрили заголовками типа «Англия получила очередную пощёчину!" и “Адмирал Хорнби позорно проспал русскую эскадру, унизившую Королевский Флот в Средиземном море». В парламенте даже потребовали его отставки, а тут ещё «Александра» во время учений по эскадренному маневрированию протаранила монитор «Руперт» – отчего тот и затонул, унеся на дно половину команды вместе с капитаном. Последней каплей стала поломка машины на «Агамемноне» – когда выяснилось, что устранить её последствия в море не выйдет, Хорнби решил больше не испытывать судьбу и приказал поворачивать назад. Решение своё он объяснил тем, что разворачивать активные действия на Балтике и, тем более, соваться в Финский залив в разгар лета бессмысленно – быстро добиться успеха не получится, а в октябре начинаются шторма и эскадру придётся уводить домой в самый разгар кампании. В результате, объявленная война продолжается в вялотекущем режиме: за три с половиной месяца случились лишь три

стычки крейсеров, не давшие сколько-нибудь заметных результатов, да наши рейдеры в Индийском океане и Атлантике шерстят с переменным успехом английских торгашей. Британская эскадра отстаивается на базе в Портсмуте и, по слухам, готовит какой-то сюрприз, а на Балтике сейчас болтаются то ли три, то ли четыре крейсера под «Юнион Джеками». Кстати, «Комюс» тоже там, и даже обменялся позавчера назад парочкой залпов с «Мининым».

– Читал, – отозвался я, – В берлинских газетах об этом только ленивый не написал. «Новая грандиозная победа российского флота!»

– Да какая там победа, – Яша махнул рукой, – Болтают, чего ни попади! Англичанин выпустил по «Минину» пять снарядов, но ни разу не попал, в ответ схлопотал три снаряда, потерял стеньгу на грот-мачте и предпочёл убраться, несолоно хлебавши. «Минин» гнался за ним до самого Готланда, а потом повернул, опасаясь нарваться на британские броненосные силы.

– Да, эта история надолго, – согласился я, – Решающего перевеса на Балтике ни у одной из сторон сейчас нет, придётся ждать весны, когда Хорнби снова двинет к Датским проливам свои броненосцы. Кстати, ты давеча обмолвился о каком-то сюрпризе, который они нам готовят – полагаю, что-то связанное с воздухоплаванием? Никонов перед нашим отъездом в Берлин обмолвился, что англичане собираются испытать два новых дирижабля. Очень уж их впечатлили наши

успехи у берегов Франции, да и роль «блимпов» в прорыве через датские проливы не осталась незамеченной…

– Что есть, то есть, – кивнул Яша, – Но у нас с тобой задача будет другая. Сейчас вернёмся в гостиницу, пообедаем и обсудим всё в подробностях. А завтра с утра отправимся в Париж, билеты я уже заказал.

– В Париж, – такого я не ожидал, – Это ещё зачем? Решил побывать-таки на Всемирной выставке?

– Узнаешь.

– Про британские броненосцы класса «Адмирал» ты, надеюсь, слышал, – осведомился Яша, – Головной корабль серии – «Коллингвуд», спущен на воду в восемьдесят втором, принят в состав флота два года назад, в июле восемьдесят седьмого. За ним через год последовали «Бенбоу» и «Родней», а три месяца назад сразу три…

– «Хоув», «Кэмпердаун» и «Энсон», – я не стал дожидаться окончания лекции, – Англичане перемудрили с орудиями главного калибра, и в итоге ввод в строй новых броненосцев растянулся на три с половиной года. И, кстати, это ты мичмана Российского Императорского флота учить собрался, мазута сухопутная? Я, чтоб ты знал, ещё в Корпусе наизусть вызубрил всё, что связано с «Адмиралами»…

– Вот и славно, вот и хорошо, – Яша сделал вид, что не заметил моего праведного возмущения, – Тогда ты конечно, в курсе, что из этих шести четыре входят в состав Средизем-

номорской эскадры Королевского Флота, а два других…

– …состоят в эскадре Канала, базирующейся в Портсмуте. Какие ещё новости ты собираешься мне сообщить? Может, расскажешь, что корабли теперь двигаются с помощью пара?

– Ну-ну, не заводись, – Яша сделал примирительный жест, – Ты всё правильно сказал – но только, наверное, не знаешь, что «Коллингвуд» и «Бенбоу» две недели назад покинули Мальту и сейчас стоят в Портсмуте вместе с двумя другими «адмиралами», «Энсоном» и «Кэмпердауном». Эти четыре броненосца станут ядром эскадры, которая в апреле отправится на Балтику под командованием адмирала Хорнби. Ты, надеюсь, понимаешь, чем это пахнет?

Я покачал головой, – Дерьмом. Дерьмом это пахнет и большой кровью – вот чем. У стенок Нового Адмиралтейства сейчас в спешном порядке достраивают «Гангут» и «Александра Второго». Но даже если каким-то чудом успеют сдать их флоту до начала весенней кампании – всё равно, эти двое четвёрке «адмиралов» не соперники. А кроме них на Балтике только старичок «Пётр Великий», антикварные броненосные батареи «Кремль», «Первенец», «Не тронь меня», броненосные фрегаты да башенные корыта береговой обороны вроде «Грейга» и «Чичагова».

– Вот именно, – кивнул Яша, – Кронштадт, конечно, прикрыт фортами, ряжевыми линиями и минными постановками, к столице англичане не прорвутся. А вот остальным портам Финского залива и Балтики боюсь, не поздоровится. А

уж если британцы сумеют под сурдинку втянуть в войну и Швецию, как рассчитывали сделать в 77-м…

– Ну, не так всё плохо. А Никонов с его особой минной дивизией? Её ведь как раз на такой случай и создавали. Когда окончательно стало ясно, что англичане этим летом в Балтику не полезут, дивизия провела учения в Рижском заливе, и результаты показала превосходные.

– Только на них и надежда, на них, на Кронштадтские форты… и вот на это.

И поставил передо мной на стол серебристый тоненький «МакАйр». Экран засветился, открылся вордовский файл.

– Флешку сегодня утром прислали с курьером из нашего посольства в Берлине.

Я кивнул. Дело обычное – посланцы Корфа в особо ответственных случаях пользовались электронными носителями информации, почесть содержимое которых невозможно здесь по определению.

На то, чтобы пробежать глазами три страницы текста, ушло минуты полторы. Я отодвинул ноутбук от себя и с изумлением уставился на собеседника.

– Вы у себя в Д.О.П. е совсем с ума посходили?

К твоему сведению, барон самолично разрабатывал операцию, – обиделся Яша, – А тебя решил подключить в самый последний момент. Больше некого – ты ведь совсем недавно работал в Англии, флотской спецификой владеешь, мичман, как-никак. И, главное – умеешь управляться с этой вашей

аппаратурой. Человека с таким набором навыков сейчас, уж извини, взять неоткуда, а действовать нужно быстро. «Гамаюн» через четыре дня выйдет в море из Гамбурга, и к тому времени мы с тобой должны быть на той стороне Ла-Манша.

– А в Париж-то зачем ехать, – я никак не мог переварить сообщение, – Раз уж такая спешка, давай двинем из Берлина в Антверпен на поезде, там сядем на пароход и завтра к вечеру сойдём на берег в Дувре!

– В Париже нам надо кое-что забрать, – объяснил Яша, – барон заранее переправил аппаратуру, документы и всё прочее своей пассии, Алисе. У неё получим груз – и в Англию!

– Что ж, если так, – я закрыл крышку ноута, – Но учти: на Эйфелеву башню я всё равно поднимусь, что бы ты не говорил. Когда ещё выпадет случай!

Особое положение руководителя Департамента Особых Проектов в административной структуре Российской Империи позволяло ему многое. Вряд ли даже канцлер обладал большей степенью свободы – барон Корф при необходимости мог делать всё, что ему заблагорассудится, отчитываясь исключительно перед Государем. И отчёт приходилось давать после того, как решения будут приняты и реализованы – а до тех пор практически все высшие чиновники Империи, должны были оказывать Д.О.П. у любое потребное содействие, причём по первому требованию. Однако, будучи человеком разумным, барон не злоупотреблял без крайней необ-

ходимости своими «чрезвычайными полномочиями». А потому, вместо того, чтобы потребовать откомандировать капитана первого ранга Никонова в распоряжение Департамента, он обратился с просьбой к вице-адмиралу Чихачёву, занимавшему хлопотную должность Морского министра, ради чего самолично приехал под шпиц – так флотские офицеры именовали здание Адмиралтейства.

Николай Матвеевич Чихачёв, принявший управление Морским ведомством Империи меньше года назад, успел немало претерпеть от Корфа и возглавляемого им департамента. Пришлось в пожарном порядке пересматривать двадцатилетнюю судостроительную программу, вводить в строй новые подразделения, включая сюда и заново создаваемые воздухоплавательные части. Но Николай Матвеевич был не в обиде на беспокойного барона – на его глазах флот, которому Чихачёв посвятил всю свою жизнь, обретал новое, невиданное доселе качество. Правда, теперь, когда война с Англией стала свершившимся фактом, приходилось срочно перекраивать планы стратегического развёртывания балтийских эскадр, исходя из появившихся и толком ещё не опробованных в деле технических новинок вроде мин новой системы, дирижаблей, радиосвязи. Но вице-адмирал был полон оптимизма: возможно, Балтийский флот не достиг пока пика своей боеготовности, но ему было чем удивить «владычицу морей» – и удивить весьма неприятно. И когда Корф попросил – именно попросил, а не потребовал, – временно откоманди-

ровать в его распоряжение капитана первого ранга Никонова, возражать Чихачёв не стал. Формирование «Особой минной дивизии» было завершено, личный состав занимался боевой подготовкой, ловя пригожие осенние деньки, и Морской министр вполне мог пойти навстречу барону – не забыв намекнуть, что ждёт ответной любезности в виде объяснений, зачем это понадобилось Корфу.

Конечно, всесильный начальник Д.О.П. а мог отказать. Да, Чихачёв, как и он, допущен к высшим секретам Империи – но отчитываться перед ним барон не обязан. Тем не менее, он предпочёл намёк понять, и в течение примерно получаса излагал вице-адмиралу подробности предстоящей операции. Чем окончательно убедил собеседника пойти навстречу – тем более, что в случае успеха задуманного, задача, стоящая перед флотом существенно упростится. А там, чем чёрт не шутит, может и удастся сорвать отправку британской военной экспедиции на Балтику? Пусть тогда дипломаты стараются, тянут время, глядишь, и получится урегулировать этот конфликт, сведя дело к миру. Но даже если и нет – отсрочка тоже будет нелишней, за это время наверняка войдут в состав флота два новых броненосца, «Гангут» и «Александр Второй», получится нарастить запасы якорных мин нового образца и закончить формирование эскадру дирижаблей нового, тяжёлого типа. Базироваться они будут не на борту судна, а на берегу, на одном из островов Моонзундского архипелага – там уже третий месяц в полнейшей тайне

возводится воздухоплавательная станция с мастерскими, эллингами для воздушных кораблей, причальными мачтами и подземными бункерами, где будут храниться запасы топлива и боеприпасов. Когда станция войдёт в строй, стартующие с неё воздушные корабли смогут держать под наблюдением всю Балтику. И не только наводить на обнаруженного противника ударные соединения Балтфлота, но и наносить удары с воздуха с помощью бомб и самодвижущихся мин новой конструкции, сбрасываемых с помощью парашютов – как раз сейчас специалисты Д.О.П. а заканчивают испытания этой удивительной новинки.

Дав согласие насчёт Никонова, Морской министр выполнил и другую просьбу барона – откомандировать заодно лейтенанта Георгия Романов и ещё трёх воздухоплавателей из команды «Змея Горыныча». Их места в гондолах дирижаблей займут запасные экипажи (надо ведь и им учиться!) а эта четвёрка действительно обладает боевым опытом, без которого в такой операции не обойтись. Чихачёв лишь осведомился, не возражает ли венценосный батюшка лейтенанта против такого назначения – и, получив заверения что нет, никаких возражений нет и в помине, успокоился. Цесаревич, конечно, знает своё дело и виртуозно управляет воздушным кораблём – но пусть уж лучше ответственность за его жизнь и безопасность ляжет на плечи этого лощёного кавалергарда.

V

– Всё-таки, чертовски обидно, что Россия не участвует в этой выставке, – посетовал Яша. Он задрал голову, рассматривая попирающую парижское небо решётчатую конструкцию, – Уж нам-то есть что показать, а не только всякие бессмысленные железяки!

Мы стояли возле французского павильона – небольшого, в форме параллелепипеда с вычурной колоннадой по периметру крыши. Сам павильон, алебастрово-белый, как и украшающая его лепнина, был окружён весёленьким газоном, обильно утыканным пальмами, фикусами и другими экзотическими растениями.

Ничего себе, бессмысленная железяка, – возмущённо фыркнула Алиса, – Если хотите знать, мсье Гершензон, вскоре эта башня станет символом Парижа!

– А я, вроде, прочёл в газете, что её через двадцать лет после выставки пообещали разобрать? Там ещё было письмо какого-то ревнителя традиций – так тот возмущался, что парижанам все эти годы этих лет придётся смотреть, – он наморщил лоб, – как это там было?… да, точно: «парижане будут вынуждены смотреть на отвратительную тень ненавистной колонны из железа и винтов, простирающуюся над городом, как чернильная клякса»!

– Хорошо излагает, собака, – согласился я с напарни-

ком, – Что до бойкота, которое наше благословенное Отечество объявило Всемирной выставке, то тут ларчик открывается просто: французы, видишь ли, не нашли ничего лучшего, как приурочить это мероприятие к столетию взятия Бастилии. Уж не знаю, в какую мудрую голову пришла эта идея, может дело в их извечной тяге к эпатажу – а только в ответ они получили отказ крупнейших европейских монархий. Те, видишь ли, заявили, что не желают участвовать в праздновании столетия казни законного короля.

– Ну, русская экспозиция на выставке всё же присутствует, пусть и неофициально, – заметила Алиса, – И всё благодаря энтузиастам из «Русского технического общества». Размах, конечно, не тот, но и на том спасибо, хоть что-то привезли!

– Всё равно Корф не позволил бы продемонстрировать наши по-настоящему серьёзные достижения, – добавил я, – Секретность, сам понимаешь.

– Да я что, я так, для разговору, – вздохнул Яша и отвёл глаза от башни, – А всё же, обидно: могли бы всех этих французов и прочую публику на место поставить. Помнишь, как Георгий рассказывал про Марсель, как там встречали «Тавриду»? Весь город высыпал на улицы, шляпы вверх кидали, шампанское откупоривали – спасибо хоть фейерверк на радостях не устроили! А в Париже, да ещё на Всемирной выставке – да у меня фантазии не хватает вообразить, что бы тут творилось!

– Что верно, то верно, – не стал спорить я, – Только вот сейчас Георгию точно не до того, чтобы веселить публику, даже на таком солидном мероприятии. Война, понимаешь, не до развлечений…

Яша сплюнул. Алиса при виде такой невоспитанности поморщилась, но ничего не сказала. В конце концов, образ бесцеремонного, нагловатого дурно воспитанного янки, который мой спутник таскал на себе с момента возвращения из Нового Света, как раз и требовал чего-то в этом роде.

– Ладно, не вышло – и не надо, – резюмировал он, – Как-нибудь обойдёмся без сенсаций. А сейчас, пошли, что ли, поднимемся на башню? Там вон, какая очередь, а ведь нам ещё надо отдохнуть. Завтра раннего утра на вокзал, не забыли?

Успеется, мон шер ами, – Алиса мило улыбнулась нетерпеливому спутнику, – Ваш багаж вместе со всем моим имуществом уже едет в Кале, сутки в запасе точно есть. Что до башни, то можете не волноваться – меня, как участницу выставки, пропустят без очереди.

Расписывая по шагам эту операцию, Корф предусмотрел для нас безопасный способ проникновения на территорию державы, с которой у Российской Империи уже который месяц официально шла война. Получив письмо барона, Алиса, не теряя ни минуты, дала нужные телеграммы, переговорила с заинтересованными лицами – по большей части, с французскими дельцами, имеющими коммерческие интере-

сы по ту сторону Ла-Манша и парижскими репортёрами лондонских газет – и вскоре объявила о проведении в Лондоне показа новой коллекции своего модного дома. «Только модели, дебютировавшие на Всемирной Выставке в Париже, леди и джентльмены!» – обещали заголовки статей, посвящённых этому мероприятию, и не лгали. Нам же предстояло отправиться в Англию в качестве её сотрудников, а мощный радиопередатчик и кое-какие полезные мелочи, заранее доставленные курьерами Д.О.П. из Петербурга, ехали, тщательно спрятанные среди кофров, коробок и картонок с продукцией «Модного дома «Алиса» – так теперь именовалось заведение, которое она унаследовала от Вероники Клеймёновой. Прежняя хозяйка и основательница модного дома погибла в июле прошлого, 1888-го года от рук Геннадия Войтюка – экстремиста и главы террористической группы, состоявшей из выходцев из XXI-го века. Впрочем, ему тоже не повезло – тяжело раненый, искалеченный, он был захвачен эмиссарами Д.О.П. и тайно переправлен в Россию для вдумчивого разбирательства[6].

– Но мы-то не участники выставки, – забеспокоился Яша, – Нам с Иваном, значит, очередь выстаивать? Так это часа три, не меньше…

И он кивнул на огромный хвост из посетителей выставки, протянувшийся между павильонов к подножию башни.

---

[6] Эти события описаны в шестой книге цикла «Д.О.П. – Департамент Особых Проектов»

– Пройдёте со мной, как сопровождающие лица. И вообще, что вы, мсье Гершензон, там забыли? Башня и башня, не очень даже и высокая. В наше время там был довольно приличный ресторан, но сейчас до этого наверняка ещё не додумались. Спасибо, хоть подъёмник устроили, на манер то ли лифта, то ли вагончика фуникулёра – а то не хватало ещё карабкаться на такую верхотуру!

Над крышами кварталов, примыкающих к реке, над бесчисленными лодками, баржами, катерами, пароходиками, облепившими берега, повисли два гудка один протяжный, хриплый, второй короткий, отрывистый. Под кормовым свесом забурлил белопенный водоворот, в котором и мелькал мусор, комки водорослей и дохлые рыбёшки. Эльба, да ещё городской черте, где она на всём протяжении одета в набережные-пристани не может похвастаться чистотой своих вод.

Маленький буксир – чёрный, с жёлтой рубкой размером ненамного больше собачьей будки, и тонкой, с красной полосой посередине, трубой, из которой валила жирная угольная копоть – тоненько свистнул в ответ и отвалил от высокого борта. Пароход снова прогудел – и двинулся по судоходному фарватеру в сторону устья, мимо набережных, которых не видно было из-за пришвартованных разномастных посудин.

– Дядюшка Ганс, а что это за слово такое – «Слейпнир», – спросил палубный матрос. Он только что закончил смазы-

вать стоящую на полубаке буксира ручную лебёдку и присел отдохнуть на бухту троса. Орудия своего труда – жестянку с перетопленным китовым жиром и жгут из ветоши – матрос аккуратно пристроил между ступней. Не приведи Бог, опрокинешь – шкипер не одобрит. Может и затрещину отвесить, за ним не заржавеет…

– Я сам толком не знаю, – признался шкипер, – Моя младшая, она учится в женской гимназии, в пятом классе, говорила вроде, что-то про коня какого-то древнего то ли героя, то ли короля, только я не запомнил. Да и не всё ли равно? Вечно ты, Альберт, о всякой ерунде думаешь, нет бы делом заниматься!

«Слейпниром» назывался однотрубный грузопассажирский пароход, который их буксир только что оттащил от причальной стенки завода, принадлежавшего судостроительной компании «Howaldtswerke-Deutsche Werft». Здесь строили большие пассажирские и грузовые суда, спускали на воду броненосцы, крейсера и канонерки и для «Кайзерлихмарине», и по заказу других стран, от Бразилии до Китая – но «Слейпнир», насколько было известно шкиперу, подвергся на верфи лишь частичной модернизации. Поговаривали, что пароход перестроили по заказу флота Германской Империи – однако, сегодня на его корме развивался не военно-морской, а чёрно-бело-красный торговый флаг.

Шкиперу уже приходилось иметь дело с чем-то подобным – и тоже здесь, у достроечной стенки «Howaldtswerke-

Deutsche Werft». В тот раз это было не грузопассажирское корыто, а быстроходный пассажирский лайнер-трансатлантик «Августа-Виктория», но изменения, которые внесли в конструкцию гамбургские корабелы, были точь-в-точь как те, что производились на «Слейпнире». Из двух мачт оставили одну, соорудили на корме разборный эллинга из дощатых щитов и парусины, а на месте срезанной мачты поставили длинную горизонтальную кран-балку. Кстати, и ход у «Слейпнира» тоже неплохой – всего на пол-узла меньше, чем у «Августа-Виктории».

Шкипер и его приятели опорожнили немало кружек тёмного пива, споря, зачем понадобились эти переделки, но так ни до чего и не договорились. Зато они отлично видели, как поднимали на «Слейпнир» длинные, тщательно закупоренные в просмолённую парусину ящики, и как пеклись об их сохранности сопровождающие груз мужчины люди, все до одного с выправкой, наводящей на мысль о военном флоте. Один из грузчиков уверял дядюшку Ганса, что когда они чуть не уронили ящик – сопровождающий обложил растяп отборными ругательствами на русском языке. Шкипер этому верил – из Гамбурга шёл непрерывный поток грузов в русские порты. Правда, он несколько иссяк за последние два-три месяца из-за войны между Россией и Британией. Война эта, хоть и была объявлена, но никак не могла толком начаться, а вот с морским сообщением их Гамбурга в Петербург, Ригу, Гельсингфорс и другие российские порты воз-

никло немало сложностей. Впрочем, гамбургские грузчики, имевшие с этого торгового оборота свою ежедневную кружку пива и порцию сосисок с тушёной капустой, не слишком-то огорчались – торговля по-прежнему шла через шведские порты, где грузы переваливали на русские и финские каботажные суда.

И всё же дядюшке Гансу не давал покоя груз «Слейпнира». Вот и полиции сегодня в порту непривычно много – в точности, как сегодня, когда поднимали на борт загадочные ящики…

Пароход уже скрывался за поворотом реки – сейчас дядюшке Гансу была видна только корма с громоздким эллингом и низко нависшей грузовой стрелой. Шкипер прощально квакнул вслед гудком буксира, и выбросил все вопросы из головы. Возле угольного пирса ждала своей очереди невзрачная, с облупленными, в рыжих потёках, бортами баржа, доверху заваленная антрацитом. Дядюшка Ганс недовольно покачал головой и сплюнул за борт – да, для того, чтобы дотащить это ржавое старое корыто до пункта назначения, их буксиру придётся основательно поднапрячь свои далеко не новые механизмы.

– Слейпнир – это, кажется, из древнегерманских легенд, – спросил Никонов, – Какое-то мифическое существо с головой лошади?

– Конь, только восьминогий, – старший помощник попра-

вил воротник кителя, – Личное средство передвижения бога Одина, и порождение другого бога, коварного Локи. Вообщем, до нашего Змея Горыныча не дотягивает – тот хоть оседлать себя никому не позволил.

Никонов кивнул. «Слейпнир» стал вторым судном-носителем дирижаблей в Российском Императорском Флоте вслед за «Змеем Горынычем». Построенный, как и его предшественник на гамбургской верфи, он подвергся переделке в соответствии с новыми задачами и уже в море был передан новой команде. Прежний капитан пожал Никонову руку, распил с офицерами бутылку «Мозеля» – и вместе со своими людьми перешёл на пароходик, сопровождавший «Слейпнира» в выходе в море. Сыграли большой сбор; на кормовом флагштоке взлетел и заполоскался Андреевский флаг, и новый дирижабленосец, именуемый с этого момента «Гамаюн» повернул форштевень на вест. Когда он минует траверз маяка Борнриф, что стоит на островке Амаланд, входящем в гряду Фризских островов, то повернёт немного к зюйду. К пункту назначения в двадцати милях к осту от городка Маргит, что расположился в самой восточной точке графства Кент, на оконечности острова Танет. Там должен начаться следующий, главный этап операции, которую в секретных документах Департамента Особых Проектов именовали «Ветер с Балтики».

В эллинге на палубе «Слейпнира» и в сопряжённом с ним трюмном помещении уже вовсю кипела работа. Матросы под

руководством боцмана разбирали палубу; внизу уже извлекли из ящиков и собрали гондолу новенького, с иголочки лёгкого дирижабля. Техники и мотористы крепили тросами и сетками пока ещё пустую оболочку «блимпа», крепили на свои места двигатель, топливные баки и прочее оборудование. В дальнем углу трюма, отгороженном перегородкой из листов кровельного железа, шла работа с газодобывательной станцией – засыпали в баки железные опилки, подсоединяли к штуцерам гибкие гуттаперчевые шланги, заливали содержимое баков вонючей кислотой. Вовсю гудели дополнительно установленные на верфи вытяжные вентиляторы – без них едкие пары быстро заполнят помещение, и находиться там станет невозможно.

Матросы с уважением косились на лейтенанта, командующего авиагруппой «Гамаюна», распоряжавшегося этими деликатными работами: хоть и цесаревич, наследник престола российского – а поди ж ты, не брезгует…

Георгий действительно не отходил от установки, намереваясь проконтролировать все этапы заполнения оболочки «блимпа» лёгким газом водородом. После этого дирижабль поднимут вверх, в эллинг, сдвинут секции разборной палубы и будут готовить к вылету, проверяя двигатели, устройства управления и бомбосбрасыватели. Техники же займутся вторым аппаратом, носящим название «Свеаборг». По плану операции «Ветер с Балтики» оба должны стартовать с корабля-матки, пересечь береговую черту в районе Мар гейта, ми-

новать графства Кент и Восточный Сассекс над сушей, после чего снова «замочить ноги» возле Гастингса. К Портсмуту, конечной точке этого авантюрного рейда, они подойдут с юга, со стороны Ла-Манша. Конечно, существовала вероятность – честно говоря, весьма высокая, – что «блимпы» будут замечены с земли. Однако ни Георгия, ни капитана первого ранга Никонова, отвечавшего за ход операции, это не слишком волновало. Согласно донесениям агентов Корфа, в Гринвиче уже около месяца шли испытания двух управляемых аэростатов, спешно построенных по заказу Королевского Флота, и жители сопредельных графств успели привыкнуть к виду «колбас», болтающихся в небе. К тому же, над Ла-Маншем они окажутся уже в темноте, пойдут с выключенными огнями – поди, отследи их в ночном осеннем небе! «Гамаюн» же тем временем снова поднимет германский торговый флаг и повернёт к зюйду. Минует Па-де-Кале и будет ждать «блимпы» в Ла-Манше, в двадцати милях к юго-западу от острова Уайт. Это будет самый рискованный этап операции – после него «Гамаюн» должен, обогнув с запада Ирландию, следовать домой – мимо Фарерских островов и дальше, в Норвежское море, вдоль северных берегов Скандинавии, в русский порт Архангельск. Ни Корф, планировавший этот набег, ни Никонов не собирались рисковать, прорываясь на Балтику через Датские проливы, которые неусыпно, день и ночь, в любую погоду стерегут быстроходные крейсера Королевского Флота.

VI

Адъютант поставил на стол поднос и неслышно удалился. Олег Иванович взял стакан – чай был горячий, почти кипяток, и заварен крепко, с краснотой, как любил хозяин кабинета. Барон встал из-за стола – привычно-огромного, словно флайдек десантного вертолётоносца, где место надстроек занимали монументальным чернильными прибором и стеклянная колба химической зажигательницы. Раскрыл резные дверцы секретера, перебрал бутылки и, приняв, наконец, решение, извлёк на свет божий початую бутылку рома – судя по рукописной этикетке, наилучшего кубинского. Семёнов усмехнулся. Решительно ничего не изменилось с тех пор, как он впервые побывал в кабинете новоназначенного начальника Д.О.П.а. Позвольте, когда же это было? Не так-то и давно всего-то года полтора назад…

Вслед за Корфом он набулькал в чай рома – чуть-чуть, для аромата, день ещё только начинался и злоупотреблять крепким не следовало – и взял с блюдечка дольку лимона. Барон посмотрел на визитёра, покачал головой и крякнул – как показалось Олегу Ивановичу раздосадовано.

– Я понимаю, вы, господин Семёнов, не слишком довольны тем, что я держал вас в неведении о миссии, которая была приготовлена для вашего сына. Но и вы должны понимать, что…

– Иван – хоть и мой сын, но он уже не ребёнок и даже не воспитанник Морского Корпуса, а мичман флота Российского, – Олег Иванович постарался, чтобы ответ прозвучал по возможности сухо, – В конце концов, Государь не препятствует своему наследнику принять участие в этой авантюре, а ведь роль у него ничуть не менее рискованная. И вы, барон, вовсе не обязаны спрашивать у меня одобрения, чтобы поручить ему какое-то дело.

Он кривил душой, и собеседнику это было хорошо известно. По сложившейся практике Корф обсуждал с Семёновым все задания, которые он, как руководитель Д.О.П собирался возложить на «гостей из будущего».

– Дело не только в этом, – барон решительно отодвинул стакан с чаем, извлёк из ящика стола рюмки, плеснул в них рома и подал один визитёру, – Видите ли, то, что происходит сейчас, те задачи, что стоят перед нами, требуют людей совершенно особого склада.

Олег Иванович терпеливо ждал, не прикасаясь к рому.

– Людей, для кого… как бы это сказать, – барон пошевелил перед собой в воздухе двумя пальцами, загадочным образом ухитряясь удерживать двумя другими рюмку, – Таких, для кого не существует такого понятия, как «невозможно». Всё, что происходило с ними за эти годы, само по себе уже невозможно, так что…

Он опорожнил рюмку, отправил вслед за ромом ломтик лимона. Олег Иванович после секундного колебания после-

довал его примеру.

– Вы сам, господин Семёнов, ваш сын, поручик Смольский, Николай Овчинников, Яша Гершензон, разумеется – как раз из этой породы. Подумайте об этом, и станет ясно, что выбор у меня не так уж велик, особенно с учётом владения некоторыми полезными навыками. Он, как вы только что заметили, моряк, и к тому же лучше других обращается со всеми этими вашими хитрыми штучками, и в особенности, с устройствами связи. Что до самой операции – подобные вещи удаются только один раз и лишь при условии полнейшей внезапности. А значит…

– Секретность, да…. кивнул Олег Иванович, – Это-то я прекрасно понимаю, барон, но и вы меня поймите…

– Он хоть и офицер, но ваш сын, – кивнул Корф, – Но, как мне кажется, он вполне доказал, что в состоянии справиться и не с таким?

Олег Иванович кивнул. Конечно, ему было тревожно за Ивана – но и приятно слышать, как высоко оценивает Корф (да и не только Корф) способности его сына.

– Надеюсь, что так. Но я вот чего не понимаю, барон: зачем вообще понадобилась эта авантюра? Насколько мне известно, англичане, дожидаясь свои «адмиралы» с Мальты, слишком затянули отправку экспедиции на Балтику, и перенесли её на будущую весну.

Барон снова наполнил стопки.

– В том-то и дело, друг мой, что отложили. В том-то всё

и дело.

Всегда хотел пожить недельку-другую как герои викторианских романов, – сказал я, – В небольшом коттедже, и чтобы лестница на галерею второго этажа с дубовыми балясинами, спальня с кабинетом наверху, внизу, на первом этаже обязательно столовая с камином. И ещё чтобы домохозяйка – эдакая миссис Хадсон из фильмов о Шерлоке Холмсе. Ты ведь смотрел, помнишь?

Домик, который мы нашли по газетному объявлению, целиком соответствовал моим мечтаниям. И даже домохозяйка была в точности, как Рина Зелёная – невысокая, сухонькая, в вечном чепце и по-английски пунктуальная. Узнав, что постояльцы никакие не лондонцы и даже не британцы, а вовсе даже наоборот, явились в Англию «из колоний» (так она назвала Североамериканские Штаты) миссис Бэббидж недовольно поджала губы. Но смолчала – готовность гостей платить наличными за неделю вперёд произвела на неё должное впечатление.

– Ну, недельку-другую – это вряд ли, – отозвался Яша, рассматривая морской пейзаж в вычурной раме, висящий слева от камина, – А вот пару дней я тебе гарантировать, пожалуй, могу. При условии, конечно, что ты не собираешься сидеть тут сиднем, не показывая нос на улицу.

Вопросов вроде «кто такая эта Рина Зелёная?» у моего спутника не возникло – он, как и другие мои здешние друзья,

пересмотрел и множество фильмов на экранах ноутбуков. Что касается знаменитого сыщика с Бейкер-стрит, то первая повесть, где он упоминался, «Этюд в багровых тонах», вышла в свет два года назад и уже была переведена на русский.

– Да помню я, помню, – буркнул я, – На мысу, не доходя до маяка, красный домик с черепичной крышей, его владелец сдаёт отдыхающим напрокат парусные лодки.

– Миссис Бэббидж говорила, что можно взять лодку на несколько дней, и тогда хозяин не станет сдавать её другим и будет поддерживать в постоянной готовности. Вдруг клиентам (которые, как известно, всегда правы) взбредёт в голову прокатиться в неурочное время?

– Обязательно взбредёт. Завтра с утречка добежим под парусом до Портсмута – тут недалеко, миль девять, только надо обогнуть остров Хейлинг. Тут никаких проблем не предвидится, не то, что с проникновением в гавань.

– А что, могут не пустить, – забеспокоился Яша, – Говорили, вроде, что никаких особых мер безопасности нет, даже иностранные суда, идущие в Портсмут, толком не досматривают?

– Так и есть, – подтвердил я, – Днём попасть в гавань вообще не проблема, а вот с темнотой могут и завернуть. Власти, видишь ли, беспокоятся, чтобы какой-нибудь рыбак или бестолковый турист вроде нас с тобой не угодил в темноте под форштевень большого судна – вот и закрывают гавань.

– И что же мы будем делать?

– Пройдём, пока ещё светло. Отыщем укромное местечко подальше от пирсов, и будем изображать двух идиотов, решивших порыбачить в миле от стоянки флота Её Величества королевы Виктории. Здесь к таким причудам относятся с пониманием. А завтра проделаем всё это без захода в гавань, только понаблюдаем издали.

– Ясно, – кивнул мой спутник, – А пока, может, сказать миссис Бэббидж подать обед, – Я не сторонник здешней кухни, но с дороги закинул чего-нибудь в топку. К тому же, здесь, как я слышал, превосходно жарят треску, а я к ней неравнодушен…

Все действия мы с Яшей спланировали заранее, ещё на той стороне Ла-Манша. Прибыв в Лондон, мы предоставили Алисе управляться с её модными делами, а сами потребовали в гостиничный номер газету с объявлениями о сдаче домов в наём. Понадобилось около часа, чтобы отыскать то, что нас устраивало – вот этот самый коттедж в городишке Уэст-Уиттеринг, в восьми милях к востоку от Портсмута. Затем последовал визит в контору, через которую было размешено объявление. Лощёный клерк (молодой человек, лет не больше двадцати пяти) не меньше получаса расписывал нам все прелести выбранной недвижимости. Если верить его словам, это было то самое описанное Джеромом Клапкой Джеромом «уединенное старосветское местечко, вдали от шумной толпы, забытый уголок, спрятанный феями от глаз суетного света, гнездо орлиное, что взнесено на Времени утес, куда еле

доносится шум бурных волн девятнадцатого века…»[7]

Поскольку мы, в отличие от Сэмюэля Гарриса, не страдали по «Спортивному листку» и пачке табака, за которой придётся ходить до ближайшей станции миль десять – предложение нам подошло. Оставив задаток, мы обговорили с клерком кое-какие детали и получили заверения, что он сейчас же даст телеграмму хозяйке коттеджа, чтобы та ждала гостей. После чего, сделав кое-какие покупки и попросив портье заказать два билета на утренний поезд с вокзала «Виктория», вернулись в отель. Разложили в номере на кровати приобретённую в книжной лавке карту – и принялись ползать по ней пальцами, изучая внешний и внутренний рейды Портсмута – где-то там отстаивалась в ожидании славных дел броненосная эскадра адмирала Хорнби.

Чему-чему, а обращению с парусами в Морском Корпусе учили на совесть. И не только классике, в виде работы на марсах и реях учебного корвета «Воевода», но и шлюпочному делу, и управлению малыми судами – парусными лодками, небольшими одно- и двухмачтовыми яхтами, и даже буерами, на которых мы рассекали зимой по льду Финского залива. Так что освоение прогулочной парусной лодки, взятой нами напрокат, никаких проблем для меня не составило.

Это была добротная посудина из тех, что называют «Дори» – длиной семнадцать футов, с корпусом из ясеневых до-

---

[7] «Трое в лодке, нес читая собаки», Джером к. Джером.

щечек и подобием палубы на полубаке, под которой располагался ящик для провизии и прочих припасов, необходимых для пикника на воде. «Летиция» – такое название носило арендованное судно – была окрашена в весёленький зелёный цвет с белым транцем, планширем и привальными брусьями. Парусное вооружение состояло из гафельного грота и стакселя; в дополнение к ним можно было поставить над гафелем ещё и маленький трапецевидный топсель, но владелец отсоветовал нам делать это. «Зюйд-вест сегодня свежий, джентльмены, – сообщил он, – Если вырежетесь за остров Хейлинг, как бы не пришлось вместо топселя брать рифы!» Я решил последовать его совету – с утра действительно задувало, и лучше было провести в пути лишние минут сорок, чем возиться с треснувшей мачтой, а потом выгребать к берегу на вёслах.

Предупреждения старого моремана (судя по тёмно-багровой морщинистой физиономии и волосатым лапам, обильно украшенным якорями и русалками, владелец лодки изрядную часть жизни провёл на флоте) оказались вполне уместны. В восемь утра мы подняли паруса и вышли в море. Примерно через час ветер разошёлся до четырёх баллов, появились барашки, волны, идущая с юго-запада, со стороны острова Уайт достигали трёх с половиной футов в высоту. «Летиция», накренившись так, что планширь нет-нет, да чертил по волне, бежала в бакштаг, я развалился на корме в обнимку с румпелем, и с видом опытного морского волка покри-

кивал на Яшу, приставленному к стаксель-шкоту.

Когда лодка поравнялась с западной оконечностью Портси, на котором располагалась большая часть города Портсмут, нас догнало авизо, спешащее куда-то под Юнион-Джеком. Я полюбовался откинутыми назад мачтами, элегантным изгибом корпуса, разглядел револьверные «Гочкисы» под чехлами на палубе. С мостика нам помахал совсем юный морской офицер; Яша проорал что-то приветственное и, выдерживая имидж грубоватого янки, потряс над головой бутылкой. На том наше общение с королевским флотом закончилось; авизо унёсся вперёд, оставив нас вместе с «Летицией» подпрыгивать на разведённой волне.

В гавань Портсмута можно было попасть двумя путями: миновать пролив между Портси и островом Хейлинг, пересечь мелководный залив Лангстон-Харбор, после чего на вёслах протиснуться по двухмильной кишке пролива Портсбридж-Крик, отделяющего остров Портси от материковой Англии. Вариант этот сулил немало преимуществ, и, прежде всего, незаметность – в это время суток залив был полон рыбачьих и прогулочных лодок, владельцы которых не решились бросить вызов морским волнам. Хуже было то, что наступало время отлива, на пике которого Портсбридж-Крик нередко обсыхал – вода уходила прочь, и застрявшим там горе-путешественникам пришлось бы убираться, несолоно хлебавши, или дожидаться подъёма воды на образовавшейся песчаной отмели на потеху местным зевакам, не

упускавшим случая поупражняться в остроумии. Так что мы выбрали второй, самый очевидный путь – войти в Портсмут-Харбор с юга, по судоходному фарватеру, минуя пролив Те-Солент.

Уже на подходах стало ясно, что в саму гавань, нам собственно, и не надо. Броненосцы Хорнби выстроились на рейде Спитхэда, где со времён короля Эдуарда Третьего располагалась главная якорная стоянка Королевского Флота и проводились военно-морские смотры. Акватория битком набита всякой водоплавающей мелочью: рыбацкими лодками, отчаянно коптящими паровыми катерами и, кончено, прогулочными судами – от малюток вроде нашей «Летиции» до гордых красавиц с вымпелами аристократических яхт-клубов. На одной из таких я имел удовольствие побывать в прошлый свой визит в Англию, когда мы с Варенькой любовались с борта Новой Каледонии» эскадрой вице-адмирала Хорнби.

Это воспоминание остро кольнуло мне сердце – я по-прежнему рассекаю воды Спитхэдского рейда, а где она – одному богу известно… и одному богу известно, увижу ли я её снова…

– Удивительная беспечность, – заметил Яша, – Никому и в голову не пришло закрыть зевакам вроде нас доступ к военным кораблям, а ведь Англия ведёт войну!

– Здесь это не принято, – отозвался я, – Да и у нас, в Кронштадте, то же самое, там вообще по воскресеньям публику

пускают на борт. Должны же законопослушные британцы видеть, на что тратятся их налоги!

– Что ж, нам же проще, – буркнул Яша, – Держи прямо руль, я буду снимать.

Действительно, пора оставить горькие мысли и подумать о том, ради чего мы сюда явились. Вот они – четыре эскадренных броненосца типа «Адмирал» возвышаются среди всей этой водоплавающей мелочи подобно чёрным островам в пенном море – «Коллингвуд», «Бенбоу», «Энсон» и замыкающий «Кэмпердаун». Позади, на возвышенном берегу угрюмо громоздились бастионы замка Саутси. Я направил «Летицию» вдоль броненосной шеренги, а Яша водил туда-сюда видеокамерой, тщательно фиксируя любую мелочь – дистанции между мателотами, пришвартованные к бортам шлюпки, наличие (вернее сказать, полное отсутствие) противоторпедных сетей. Вечером, в отеле, когда придёт время планировать предстоящие действия во всех подробностях, мы всё это хорошенько рассмотрим. А рассмотрев – передадим тем, кому предстоит действовать.

VII

– Всё же вы решили подвесить торпеды, а не бомбы, – спросил Никонов. В особой минной дивизии давно уже использовали это слово для обозначения самодвижущихся мин Уайтхеда.

– Да, Сергей Алексеевич, торпеды. Я проанализировал сведения, полученные от наших друзей – получается, что при некотором везении можно будет сделать так, чтобы англичане не сразу поняли, кто именно к ним наведался. Самодвижущиеся мину ведь можно выпустить и с катера – а вот про бомбы этого никак не скажешь, сразу станет ясно, что сбросили с неба.

– Что ж, Георгий Александрович, за эту часть операции отвечаете вы, – согласился Никонов. Будучи превосходным, лучшим в России специалистом по якорным минам, он не слишком хорошо разбирался в аспектах применения оружия с воздуха, целиком полагаясь в этом вопросе на цесаревича, – Берёте по две штуки?

– Да. Торпеды подвешиваются под гондолой, в бугельных захватах. Это новейшая 356-миллиметровая английская модель MkV, серьёзно доработанная в мастерских Д.О.П.а. Вес в снаряженном состоянии около девятисот фунтов, боевая часть – семьдесят фунтов.

– Пироксилин?

– Не угадали, Сергей Алексеевич. Тротил, продукция опытной химической лаборатории, которую возглавляет сам Менделеев. Корф слил ему все данные по взрывчатым веществам, и теперь они отрабатывают технологию массового производства. К сожалению, пока объём выпуска ограничен, да и новые модифицированные торпеды – продукция штучная. Но для нас, как видите, хватило.

Никонов провёл пальцами по сигарообразному корпусу торпеды. В отличие от английских моделей она была тупоносой и не имела плавников-стабилизаторов в носовой части.

– Дальность хода тоже повысили?

– До тысячи ярдов, это более, чем в полтора раза. На скорости в двадцать шесть узлов.

– У исходной модели, если мне память не изменяет, было двадцать четыре?

– Да, к сожалению, скорость осталась практически на том же уровне. Работаем…

Трое матросов, повинуясь команде механика, облепили тележку, на которой покоилась начинённая смертью сигара, и подкатили её к «Кронштадту». Орудуя рычагами домкратов, подняли торпеду на три фута, после чего техник закрепил серповидные клешни бугелей.

– С какой высоты рассчитываете выполнить сброс, – спросил Никонов.

– На учениях в финском заливе мы бросали с сорока футов на скорости в сорок и пятнадцать узлов, – ответил Георгий, – из трёх опытных пусков один оказался неудачным, торпеда развалилась при ударе о воду. Из двух других в цель попала одна.

– С боевым зарядом, или с песком?

– С боевым, конечно. Правда, вместо тротила был пироксилин, но барже, выполнявшей роль мишени, и того хватило с лихвой.

– Броненосец – это всё же не баржа, – покачал головой Никонов, – Боюсь «адмиралу» одной торпеды не хватить.

– Это уж как повезёт. Учтите, атака состоится ночью, англичане ничего не ждут и большая часть команды находится на берегу. Оставшейся стояночной вахты вряд ли хватит для полноценной борьбы за живучесть – тем более, что с защитой отсеков от поступления воду у них дела обстоят не лучше, чем на наших «Русалке» и «Гангуте».

Георгий имел в виду катастрофы, в этой реальности ещё не случившиеся на Балтийском флоте. О них поведали «потомки» – и не просто поведали, а подкрепили свои слова детальнейшими описаниями этих трагедий. Согласно им, в сентябре 1893 года пошёл на дно броненосец береговой обороны «Русалка», унеся с собой всю команду – двенадцать офицеров, сто шестьдесят пять гардемаринов и матросов. А летом 1897-го года в Выборгском заливе, получив пробоину в днище, затонул броненосец «Гангут»{45}, только что принятый в боевой состав флота.

Оба корабля погибли как раз из-за отсутствия полной водонепроницаемости отсеков, ограниченных переборками и палубой. На «Русалке» вода попала в машинное отделение через незакрытые люки верхней палубы и залила топки. В результате верхняя палуба ушла под воду, корабль потерял остойчивость и опрокинулся. На «Гангуте» тоже были залиты котельные отделения. Их изначально спроектировали сообщающимися, без сплошных переборок от нижней до верх-

ней палубы – и попавшая в одно из котельных отделений вода быстро заполнила и три остальных, вызвав, как горько шутят моряки, «поворот оверкиль».

– Что ж, будем надеяться, что у англичан с мерами против затопления дела действительно обстоят не лучше, – согласился Никонов. В любом случае – меньше, чем черед двенадцать часов мы это выясним. Если конечно, вы, лейтенант, попадёте.

– Попадём, господин капитан первого ранга, – Георгий широко улыбнулся, – Никак невозможно будет не попасть!

– Прошли береговую линию в пяти милях к югу от Маргейта, – сообщил Яша, оторвавшись от наушника, – Скорость тридцать пять узлов, высота полторы тысячи футов. Пока всё по плану.

Я пристроил керосиновую лампу так, чтобы круг жёлтого света падал на карту. Необходимости соблюдать светомаскировку не было – владельцы лодок, яхт, катеров которых и ночью немало было в акватории Спитхэда, тоже зажгли фонари. Шеренга «адмиралов», чьи глыбы лежали на воде в полутора милях от нас, тоже были ярко освещены – ярко сияли топовые огни на мачтах, вахтенные жгли стояночные фонари вдоль бортов.

– По прямой от Маргейта до Портсмута миль сто. Но это по прямой, а в нашем случае надо накинуть ещё миль тридцать. Ветер попутный, если будут держать тридцать пять уз-

лов, то через три с половиной – четыре часа будут здесь.

– Двадцать три-четырнадцать, – Яша щёлкнул крышкой часов.

– Это, выходит, три с четвертью пополуночи, самое тёмное время суток?

Я сложил карту.

– На то и расчёт. Спитхэд, главная стоянка Королевского флота

– что тут может случиться? Они, к гадалке не ходи, даже противоминные сети ставить не стали.

– Всё равно, проверить надо, – отозвался Яша, – За полчаса пройдём вдоль шеренги под парусом, убедимся собственными глазами.

– А не заметят? Поднимут тревогу, подсветят прожектором…

– Не, – Яша помотал головой, – Ты же сам видел, что лаймы мышей не ловят – собачья вахта, скука, глаза слипаются. А лодчонок тут, как блох на барбоске – и-за каждой, что ли, кипиш поднимать?

– Всё равно, – я упрямо помотал головой, – Если раньше времени переполошить вахтенных, есть шанс, что они обнаружат наших. Так что пройти-то мы пройдём, но на расстоянии. Скажем, четыре кабельтовых.

– Что ты разглядишь в такой-то темноте?

Я сунул ему бинокль.

– Видишь, огоньки вдоль бортов, ниже уровня палубы?

– Ну, вижу…

Это иллюминаторы офицерских кают. Господа просвещённые мореплаватели хлещут виски по случаю безделья и, надо полагать, нескоро ещё улягутся спать. Противоминные же сети выставляют на особых выстрелах, их иллюминаторы наверняка подсветят так, что мы всё прекраснейшим образом разглядим. Заодно, послушаем, как вахтенные службу несут. Если не дрыхнут – должны перекликаться.

– Ладно, уговорил, – Яша убрал часы, сложил куртку и вытянулся на банке, – А сейчас-то поспать можно? Хоть часика полтора?

– Это поезд. Лондонская железная дорога Чатема и Дувра. Скорость, на глаз миль тридцать пять в час, и если не будут разгоняться, то можно сесть им на хвост.

Штурман «Кронштадта», мичман Осовецкий перегнулся через борт гондолы и всматривался в разлитый внизу чернильный мрак, через который неспешно ползла цепочка тусклых оранжевых огоньков. В голове цепочки то и дело мелькали оранжевые искорки – кочегар на локомотиве вовсю шуровал в топке.

– Хочешь пройти по железке, – спросил Георгий.

– Звёзд ведь не видно, луны тоже. А так – дойдём до Кентербери, обогнём город с юга, и оттуда, по компасу – на зюйд-вест, до города Эшфорд. А дальше возьмём ещё на два румба к зюйду и выйдем к побережью где-то между Гастинг-

сом и Камбером. Ну а дальше – как и планировали, вдоль береговой черты. Там полно рыбацких деревушек, – огни в окнах, да и линию прибоя в темноте проще различить.

Георгий задумался.

– Придётся снижаться. Могут заметить.

– Да и чёрт с ними, – Осовецкий тряхнул головой, – Главное – города обойти стороной. Что до рыбаков, то они народ не самый грамотный, за новинками техники вряд ли следят. Пока дотумкают, что за чертовщина такая в небе, пока обсудят, пока решат, сообщать властям или не стоит – сутки пройдут, не меньше. А то и вовсе подумают, что спьяну примерещилось, дело-то житейское…

– И то верно, – Георгий толкнул ручку дросселя, прибавляя обороты. Сообщи на «Свеаборг» чтобы не отставали. А то ищи их потом в такой темени…

– Сигнал разделился, – сказал Яша, – Угол между пеленгами – примерно полтора градуса, это с учётом бортового расхождения означает дистанцию около пяти миль. Считай, рукой подать.

Когда Корф с Никоновым и цесаревичем планировали рейд, был избран именно такой способ наведения на цель. Оба «блимпа», снабжённые радиопередатчиками, при приближении к конечной точке маршрута начинают транслировать постоянный сигнал. Мы при помощи нашей рации берём пеленги, и когда они разделятся – фиксируем угол и при

помощи заранее составленных таблиц определяем дистанцию. Самое проблемное здесь было удерживать расстояние между дирижаблями – это делали с помощью точечных светодиодных источников света, закреплённых на носу и корме несущего корпуса воздушного корабля. Штурман засекал огоньки и, зная реальное расстояние между ними, определял дистанцию.

– Направление, – спросил я.

– Ост, восемьдесят девять градусов. Идут по ветру, и если не добавят оборотов, то через двадцать три минуты будут над нами.

Я посмотрел на часы – зелёные цифры ярко перемигивались в темноте. Георгий решил подходить к цели на малых оборотах, пользуясь попутным ветром. Вот и хорошо, меньше шансов, что их обнаружат раньше времени.

– Через пять минут врубаем маяк. Чем раньше заметят, тем точнее выйдут на пеленг.

Яша согласно хмыкнул и полез на корму, где был заранее укреплён щелевой фонарь – как и радиостанции, это была техника из совсем других времён. Когда придёт время, мощная галогеновая лампа выдаст серию ярких вспышек, видимых лишь в ограниченном секторе. Если дирижабли окажутся за его пределами – Яша будет поворачивать фонарь из стороны в сторону, пока воздухоплаватели не заметят сигнал и не скорректируют курс.

Я оглянулся. Следовало вывести «блимпы» в атаку по воз-

можности под прямым углом к шеренге «адмиралов», а для этого они должны были иметь некий запас скорости, чтобы маневрировать по ветру. Сейчас броненосцы стояли на своём месте, и стояночные огни по-прежнему подсвечивали их борта. Огоньков в иллюминаторах кают стало, правда, меньше – но и их вполне хватило, чтобы понять: на броненосцах никому не пришло в голову возиться с противоторпедными сетями.

На корме запульсировал фиолетовый свет – Яша включил приводной фонарь. Мощность его была такова, что смотреть прямо на источник света с такого расстояния категорически не рекомендовалось, запросто можно ослепнуть. Но кожух с щелевой насадкой вполне защищал мои глаза – как и не позволял видеть световую точку с других судов, разбросанных по Спитхэдскому рейду.

– Радио с «Кронштадта» – подал голос Яша, – Они нас видят!

– Пеленг?

– Двадцать два и смещается влево.

Так, – я прикинул взаимное расположение лодки, дирижаблей и броненосцев, – Пусть выдерживают прежний курс, а когда пеленг будет около трёх, сворачивают вправо и идут прямо на маячок.

Яша кивнул и торопливо забормотал в микрофон.

– Георгий передаёт: приготовьтесь к эвакуации. Когда подойдут к нам, сбросят верёвочную лестницу и возьмут нас

на «Кронштадт».

Едва не выматерился – мы о таком не договаривались!

– Что это пришло ему в голову?

– А я доктор, – ответил Яша в полном соответствии с национальной традицией.

Неожиданно, конечно – но спорить я не собирался. С момента установления связи с «блимпами» командование операцией переходило к нему, и если Георгий решил забрать нас до нанесения удара, то так тому и быть.

– Ладно, им сверху виднее. Когда подойдут на полмили – упаковывай рацию и ждём. Любопытно, что это он ещё удумал?

VIII

– Эй, полегче! Опрокинемся к свиньям!

Угольно-чёрная туша «блимпа» возникла на фоне едва сереющего восточного неба не сразу – проявилась, как проявляется изображение на фотопластинке, которую окунули в проявитель. Я вскочил и замахал руками, не обращая внимания на тревожный окрик Яши.

Сверху, разворачиваясь, упал верёвочный с деревянными ступеньками-выбленками трап. Я оглянулся – напарник вытащил из-под банки мешок с рацией и торопливо запихивал в него приводной фонарь. Я взялся за выбленки и полез вверх. До гондолы, нависшей над лодкой, на глаз было мет-

ров пятнадцать.

– Давай мешок, – крикнул я, преодолев метра два, и свесился вниз, держась за трос левой рукой. Яша – он стоял, едва удерживая равновесие на банке – раскачал мешок и подбросил. Я перехватил парусиновую лямку, неловко действуя одной рукой продел в неё голову. Жёсткий угол радиопередатчика больно впился между лопаток, но сейчас было не до мелких неудобств. Лезть было не слишком трудно, лестница почти не раскачивалась – спасибо Яше, всем весом повисшему на нижнем её конце.

«Блимп» завис на высоте примерно десяти метров, едва слышно тарахтя движком – пара двухлопастных винтов справа и слева от кормовой части длинной гондолы неторопливо вращались на реверсах, удерживая корабль над лодкой. Один из воздухоплавателей, в кожаном шлеме, с лицом, наполовину закрытым очками-консервами, махал мне рукой. Когда я добрался почти до самого верха, он перегнулся через борт и ухватился за мою ношу, помогая мне влезть в гондолу. Я с облегчённым выдохом повалился на фанерное днище, отозвавшееся на неожиданную тяжесть негромким гулом.

– Иван? Семёнов, – спросил второй воздухоплаватель, – Ты, что ли?

Он сидел примерно посередине гондолы, держа руку на большом спицевом колесе, тросы от которого уходили вниз, под «палубу». По голосу я узнал Георгия.

– Он самый, кто ж ещё?

Штурман уже втаскивал в гондолу Яшу. Я подмигнул напарнику – мол, всё путём, – и поискал глазами второй дирижабль.

– Вон, два огонька справа по борту, видишь, – цесаревич, угадавший мои мысли, ткнул пальцем в темень за бортом, где примерно на нашем уровне висели две яркие бело-голубые точки, – Это «Свеаборг», до него футов двести.

Давление на ступни чуть заметно ослабло, будто днище гондолы у меня под ногами проседало, подобно полу в идущем вниз лифте.

– Жор, это только кажется, или мы опускаемся?

– А ты что хотел, – отозвался цесаревич, – Вы с мсье Гершензоном и вашим барахлом тянете на верных пудов девять пудов, вот мы и снизились. Но не бойся, так оно и задумано. Держись за что-нибудь, сейчас немного потрясёт…

Я послушно ухватился за какую-то трубку. Цесаревич толкнул вперёд медный рычаг, мотор загудел громче, раздался свист винтов. «Блимп» медленно полз вперёд. Я глянул вниз – лодка осталась позади, но водная поверхность всё ещё приближалось. До неё, насколько я мог определить, осталось метров десять семь… пять…

Я открыл рот, чтобы крикнуть, предупредить цесаревича, но в этот момент штурман вскинул руку и рванул на себя рычаг.

– Сброс!

Под днищем что-то протяжно заскрежетало, гондола

дрогнула, и почти сразу снизу раздался сильный всплеск.

– Первая пошла! Чуть правее, градуса три!

Дирижабль шевельнул рулями, словно кит хвостом, нос чуть заметно поплыл в сторону. Воздушный корабль всё ещё снижался, – хоть он и избавился разом от девятисот с лишком фунтов нагрузки, но и этот пузырь с лёгким газом обладал некоторой инерцией. Громкий всплеск, фонтан брызг, гондола завибрировала – «блимп» всё же ударился о волны. И в этот момент штурман рванул другой рычаг, с правого борта. Скрежет под днищем повторился, но шлепка на этот раз не было – видимо, в момент сброса торпеда была в воде. Дирижабль нехотя оторвался от поверхности и стал набирать высоту. Гул мотора усилился – оглянувшись, я увидел, как цесаревич навалился на штурвал, уводя нос «блимпа» в сторону моря.

– Четыре… три… два, – Штурман отсчитывал секунды, необходимые торпеде на то, чтобы преодолеть пять кабельтовых до борта британского броненосца, – Сейчас!

Поначалу ничего не произошло – но когда он привстал на своём сиденье, стараясь разглядеть, что творится впереди, ударил сильный взрыв. За ним последовал ещё один, гондолу тряхнуло.

– Попадание, – радостно завопил штурман, – «Свеаборг» тоже отстрелялся и тоже попал! Уносим отсюда ноги, покуда они не опомнились!

– …а потом мы обогнули остров Уайт и пошли на зюйд. На траверзе Шербура, милях в двадцати от французского берега нас уже ждал «Гамаюн» – чтобы не мозолить глаза англичанам, они снова подняли германский торговый флаг. В газетах потом писали, что русский царь продал кайзеру два новейших военных дирижабля, и как раз их испытания там и проходили…

– Так и есть, – отец согласно кивнул, – Я слышал, что в Германию отправили два аппарата в разобранном виде комплекта, включая двигатели. Дядя Юля поначалу протестовал, но Корф заявил, что они и так почти на две трети изготавливаются в Германии, так что скрывать особо и нечего. Вместе с дирижаблями туда направились инструктора – учить немцев обращаться с новой техникой. Так что, можно сказать, газеты не соврали.

– Ну, тогда нам до этого дела не было. Было уже довольно светло, «Гамаюн» принял «блимпы» и полным ходом двинулся на запад, вокруг Ирландии, и дальше, к берегам Скандинавского полуострова и в Архангельск. Немного опасались встречи с английскими крейсерами, но зря – один только раз увидели канонерку под «Юнион Джеком», но она быстро отстала. Хорошо, что здесь нет радио…

– Скоро появится, – сказал отец, – В войска и на флот уже пошли первые российские радиостанции, так что долго этот секрет сохранить не удастся.

Мы прибыли в Архангельск неделю назад, в первых чис-

лах ноября, пробившись через осенние шторма в арктических водах. Усталый «Гамаюн» (окончательно уже переквалифицированный в дирижабленосец Российского Императорского Флота) отстаивался в порту, залечивая раны, нанесённые ледяными ветрами и волнами Баренцева моря. Мы же с Яшей, а так же весь личный состав авиагруппы во главе с Георгием по железной дороге покатили в Питер. В грузовом вагоне, прицепленном к литерному составу, ехали оба дирижабля – в разобранном виде, разумеется.

В столицу мы прибыли сегодня утром, хорошенько выспавшись под стук вагонных колёс. Отец встретил меня на вокзале – и сейчас мы неспешно прогуливались по Невскому проспекту.

– Кстати, в позавчерашней Таймс» вышел большой репортаж об испытании двух военных дирижаблей, – сообщил отец, – Стартовали где-то близ Лондона, сделали круг над городом, прошли вдоль реки до устья Темзы и благополучно вернулись. Пишут, что на мероприятии присутствовал сам сэр Рэндольф Черчилль с сыном, причём тот находился во время полёта на борту одного из дирижаблей.

Я удивлённо хмыкнул.

– Это, что же, Уинни решил податься не в политики, а в воздухоплаватели? Ему же сейчас только тринадцать!

– Вот-вот исполнится пятнадцать. Сейчас он учится в Харроу, и отец настоял, чтобы сын поступил в военный класс. В «Таймс» пишут

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.